

**АЛЕКСАНДР
МУЛЕНКО**

**Урал-
БАТЮШКА**

Вкус «изабеллы»

Урал-батюшка

Александр Муленко

Вкус «изабеллы»

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Муленко А. И.

Вкус «изабеллы» / А. И. Муленко — «ВЕЧЕ», 2025 — (Урал-
батюшка)

ISBN 978-5-4484-5693-0

Сборник повестей уральского писателя Александра Муленко рассказывает о профессионалах своего дела: альпинистах, парашютистах, водолазах, врачах, летчиках. Книга полна захватывающих историй, людских судеб, простых, но отважных героев. Они готовы к подвигу, не заботясь о славе

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5693-0

© Муленко А. И., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Предисловие	6
В опасном кулуаре	10
Рассказ первый. «Сова»	10
Рассказ второй. Пик «Солнечный»	12
Рассказ третий. Где ваша крыса?	16
Сказание об Эльвире-летчице	17
Скрап[1]	20
Рассказ первый. Старый кабель	20
Рассказ второй. Флаги	22
Рассказ третий. Сало	24
Рассказ четвёртый. Гудкович	26
Рассказ пятый. Страх	29
Рассказ шестой. Пролом	31
Рассказ седьмой. Семейные интересы	34
Рассказ восьмой. Вшивая рота	37
Рассказ девятый. Потехи час	39
Рассказ десятый. Бессмертный анекдот	42
Рассказ одиннадцатый. Русский русскому помощи	45
Рассказ двенадцатый. Горячий плац	47
Рассказ тринадцатый. Хлебозавод	50
Рассказ четырнадцатый. Штурм великого эксперта	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Муленко

Вкус «изабеллы»

© Муленко А. И., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

Предисловие

В книге много героев простых, но отважных. Они готовятся к подвигу, не думая о славе. Помимо работы на производстве в силу временных обстоятельств по вечерам уставшие люди обучаются в спасательной службе «Сова». Среди них бывшие альпинисты, парашютисты, водолазы, врачи. Эльвира – лётчица. Однажды, тайно катая дочку на кукурузнике, она увидела вспыхнувший на крыше мартеновского цеха пожар и затушила его. Директор чёрной металлургии подал на лётчицу в суд. Слишком опасно снизился самолёт. Но верно подмечено в народе, что честного судью можно узнать по заштопанной мантии. Эльвира оправдана. Уголовное дело против неё не состоялось. Только на целый год женщину лишили возможности пилотирования самолётов.

По возвращении в аэроклуб она бурчит:

«Я всё равно останусь в небе парашютисткой».

«И я», – повторяет дочка.

В повести «Они останутся людьми» в период прогулки к мемориальному кресту, стоящему на вершине перевала, маленькая группа туристов попадает в ловушку. После неожиданного землетрясения короткая дорога вниз у них оказывается заваленной большими валунами, и, чтобы выжить, бывший школьный учитель и тренер вместе с двумя детьми совершают тяжёлый перевальный поход. Вечереет. Повсюду снег. Пострадавшие люди находят в пути пещеру и разводят в ней огонь. Здесь начинается сказка, очень похожая на явь. В глубине пещеры – стоянка снежного человека. Вот как описывает автор эту горькую встречу: «В мире ходит поверье, что сердитые взгляды йети приносят неизлечимые болезни или смерть на скорую руку. От хриплого крика снежного человека все путники каменеют. Но случилось наоборот. Это мы вторглись в чужое жилище и нарушили длительный мир у этих людей, это мы отняли кусочек их земли. А когда развели в пещере огонь, то посеяли в душах у йети страх.

Как беженцы от войны, лишённые крова снежные люди уходили в холодную неизвестность. Найдут ли они другое пристанище или умрут, задутые ветром? Или какой-нибудь вертолётчик увидит их с неба и убьёт ради желчного пузыря или иной здоровой пищи? Или ради тёплой богатой шубы для любимой подружки из Государственной думы? И его не осудят. Йети – не люди. Шаткие права человека написаны не для них, а для нас. В Красной книге снежного человека тоже нет».

Это, конечно, выдумка автора, но в ней огромная нравственная нагрузка. В мире не запрещается убийство неизвестного существа ради богатства или еды.

Александр Муленко много лет занимался ремонтом промышленных дымовых труб. Сегодня ему идет седьмой десяток лет. Писатель играет в шахматы, любит животных. Его герой отвечает водителю, захотевшему быстро разбогатеть охотой на одичавших лошадей, такими словами: «Увы, я не охочусь, я не рыбачу, я не ишачу ради денег. По миру я собираю разбросанные ранее камни и ценю живую природу за разнотравье, за шёпот ветра, за щебет птиц». Это его настоящее кредо, скрытое под маской сурового человека.

В повести «Скрап» Муленко рассказывает о людях, добывающих железный лом в годину, когда задерживали зарплаты. Его герои выживают на шлакоотвале под контролем рэкетиров. Однажды в земле попадает заброшенный медный кабель. Трогать его нельзя. По преступным законам это – пожива криминальных авторитетов. Герой рассказа Иван Иванович Кротов уже однажды расплатился за тайную добычу меди. В день, когда погибает главарь преступной организации, которого боятся в округе более, чем законную власть, Кротов нарушает запрет и попадает с поличным в лапы милиции. Добытая медь изъята, перепродана. Узнавшие про это, наследники убитого криминального вожака избивают Ивана до полусмерти за нарушение табу.

Сотканная история ужасна и не примерна. Но автор решает её закончить лучшими нотами. В конце этой повести, в рассказе «Горячий плац», появляются могучие слова: «Душа барахталась в сетке человеческих нервов. Гудела, как музыкальный инструмент, расстроенный непрошеными гостями. Клубилась около липкого тела облаком, желая освободиться от плоти и умчаться в такие выси, где нет артистов, рвущих до боли. Иван Иванович Кротов умирал. Фальшивые аккорды мешали ему грезить, разбивая гармонию созерцания вечности, вызванную действием анестезирующих препаратов. Оживающая на время плоть стонала о продолжительности страданий, а запутавшаяся в ней душа упрекала её в живучести. Две половины одного существа бранились между собою, обвиняя друг друга в немилосердии. Но всё же ветреный холод подкрался к постели больного к умиротворению стон.

Природа сыграла на руку смерти. Был пасмурный день. Мгла висела над миром. Из-под палки, не одеялом, а простынёй покрывая остывшую землю (так укрывают в морге покойника, кое-как, ненадёжно), падал нечистый снег. Казалось, что он несётся не с неба, а с ближних крыш – колючий, мелкий, словно абразив из пескоструйного аппарата, обдирая пожухшие краски вчерашней осени – последние, цепкие листочки карагачей. Иссохшие как в гербарии, они оторвались и понеслись по асфальтированному покрытию городских тротуаров, подметая до чёрного блеска встречные остекленевшие лужи... Ударил морозец. Домашнее тепло потянулось в приоткрытые форточки помещений. Душа у Ивана отклеилась от липкого тела, и, подхваченная потоком, стала свободной. Ей оставалось витать над землёю три дня, если покойного не похоронят оперативно.

Любовь – это богатство, не подверженное дефолту. Расчётливый в подлом рыночном времени добытчик и скряга Кротов ни разу в жизни не изменил супруге, даже не думал об этом. Он был любим и любил её одну. Уже по самый гроб жизни Иван Иванович остался нежным мужем своей Алёны в благодарность за красоту, нерастраченную напрасно в юности на других».

И следом – разворачивается рассказ о служении друг другу в прожитой жизни, где было много жестокостей и обмана, не сокрушивших их взаимную человечность. Но телесная жизнь предельна.

Жена «помыла руки и пошла будить Ивана на завтрак.

– Я же умер, – спохватилась его душа.

Стыд, как и страх, – не плотское чувство. Сегодня Кротов был виноватым перед Алёной, как и в тот далёкий день на плацу областного военкомата, когда его подругу поливали водой из брандспойта. Душа у Ивана оторвалась от оконного стекла и потянулась обратно к форточке, в надежде с притоком холодного воздуха ворваться в квартиру и нырнуть в окоченевшее тело до первого крика вдовы, проснуться и успокоить супругу словами:

– Иди на кухню, убавь огонь, я ещё живой, – как это было вчера, когда он лежал отёкший, едва подвижный, но горячий, – ты слышишь, Алёнушка, вода убежала на плитку, скворчит...

Однако новый поток космической энергии вырвал его душу из тины жизни и понёс в неизвестность».

В повести «Птицы, прощаясь, летели мимо» основные события происходят в 1999–2000 годах. Молодой российский солдат Валера Руденко попадает в руки к чеченским боевикам. Связанного человека содержат в тесном кичмане, где он не может приподняться с колен, ежедневно хлещут свинчаткой, но маленькая девочка Аниса проявляет милосердие. Она приносит узнику чистую воду, лепёшки, иную пищу, убирается в его жилище и читает ему Коран. Используя случай, Руденко сбегает из плена и около года лечит в больнице туберкулёз. Вечерами он вырезает из дерева искусные человеческие фигуры – созидает. Врачу удаётся невозможное. Его больной выздоравливает. Вот их последний разговор:

«– В чем счастье, солдат? – спрашивает доктор. И, не дожидаясь ответа от пациента, отвечает: – Оно в востребованности.

– В семье или как?

– Не только... Возьми бомжа. Да-а... у него ни дома, ни работы. Но есть щенок. Он приносит ему кусочек мягкого хлеба. Пёс благодарен за эту заботу. Банально?.. Или творческий человек, такой вот, как ты, создавший что-то новое, интересное. Разве не счастлив он в такую минуту.

Валерка молчал, предчувствуя радость.

– Ты знаешь, Валера, я заметил, что чахотка боится счастья... Ты, Валера, один из тысячи человек, кому по-настоящему повезло. Я вчера увидел твои последние результаты флюорографии, и болячка в них не отразилась. Отныне, Валера, ты – здоровый человек. Я тоже счастлив, ведь я оказался востребован, как врач».

Не менее интересная история представлена автором в рассказе «Кошерыные часы». Один из его героев, звать его Юра, спивается. Неудачи его преследуют много лет. Жёны ушли, на работах его подолгу не держат, торговля мясом, которую он было затеял, к успеху не привела. И вот он получает почтовое приглашение из отдела кадров большого завода и, не понимая, кому он там нужен, идёт на приём в директорат. Когда-то Юрка окончил мореходку. В городе моря нет, река – несудоходна, но заводская элита имеет прогулочный катер в водохранилище. Недавно уволили капитана. Федеральный инспектор обнаружил несоответствие занимаемой им должности. Юрке предложили продать диплом морехода для этого человека. Бывший моряк отказался, ответив: «Я в учебке палубы драил, я три раза ходил в кругосветки, я соль глотал по всем океанам и морям».

«Он умер через год. Пуржило, была зима, стояла тёмная ночь. В холодное время на улицах пусто. Утром тело обнаружили около хрущёвки, в которой он проживал вместе с мамой. После осмотра медики написали, что причина смерти – сердечная недостаточность. С детства у Юры был какой-то порок, и, чтобы не искать криминал, милиция тоже согласилась с таким исходом».

Длинною в жизнь представлен ещё один рассказ Муленко «Вкус „изабеллы“». Трудное детство, армия – как тюрьма и безумная война. В больнице умирает человек, с которым в детстве бились до крови, желая друг другу смерти. И некому с ним проститься. Все родные покойного в Украине. Это – досадно. «На тележке находился мой враг. Когда-то я очень хотел его убить или увидеть мёртвым, и вот моё желание стало явью. Некому было печалиться над Генкой. Издалека с опаской косились в нашу сторону бродившие без дела больные. Пиликало радио. Любимые люди покойного не смогли проехать кордоны, чтобы в последний раз увидеть деда и отца. Самым близким человеком для Генки в округе остался я один. На сердце лежал тяжёлый груз прошлого. На этом свете, уничтожая врагов, мы от души добавляем: „Умрите, сгиньте“, и... славим Бога. А что на том?»

– Послушай, Геннадий. Разве мне стало легче от того, что ты сегодня скончался от боли в палате реанимации, в безродной тебе стране?» В этих словах вина, раскаяние, позднее христианское прозрение: «...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных». В рассказе сказано много.

«Правда с неба» опубликована дважды. В ней рассказывается о становлении спасательной службы в тяжёлые безденежные годы начала этого века. Группа людей обучается в спасательной школе «Сова». Курсы короткие, а экзамены предстоят серьёзные. Их будут принимать в областном центре медики, пожарники и другие специалисты высокого ранга. Учащиеся недосыпают, грызут ночами науку и, бывает, участвуют в спасении людей, ходят в морг на вскрытие трупов. В повести приводится несколько фрагментов этой жизни. Многие герои в прошлом занимались видами спорта, связанными с будущей профессией: пилоты, парашютисты, водолазы. Есть альпинисты. Экзамен как будто сдан, да у Андрея – основателя школы – заканчивается время льготного налогообложения. Он закрывает свою школу и оформляет

новое предприятие, а бывшим ученикам предлагает перейти на федеральную службу. Это – добрая повесть.

В рассказах повести «Слово Попова – твёрдое слово» излагается жизнь рабочих, уехавших в далёкий Тобольск работать на ремонтах и строительстве промышленных объектов. Зарплаты задерживаются или выдаются в неполном объёме. Люди Попова часто привлекаются к работам не обусловленным трудовыми договорами. Среди них есть гастарбайтеры. Они работают под честное слово. В зиму их увольняют с работы, не рассчитав, обещая сделать это летом, если они вернуться.

Наряду с событиями, протекающими в Тобольске, неуспешные в жизни люди вспоминают своё прошлое. Они жалеют о чём-то несостоявшемся, признавая свои ошибки. Подлый работодатель Попов и его злая супруга на самом деле не такие уж бессердечные люди, их многие действия благородны, и завершается повесть вполне разумно и даже светло. Поповы возвращают долги. Их рабочие готовятся к новой командировке.

Истории в книге Муленко не приукрашены, во многом автобиографичны.

В опасном кулуаре

Рассказ первый. «Сова»

– Ты сходи, поучись. Это не горы, конечно, но всё же... Дополнительные знания, навыки... Побольше узнаешь о страховке...

Вовка, мой собеседник, в прошлом покоривший не одну большую вершину, имел спортивный разряд по альпинизму и с пренебрежением относился к пологим холмам, окружающим город. Отроги Уральских гор невысоки, но при желании можно найти стены для навешивания верёвок. Мы поочерёдно вертели в руках газету с объявлением о наборе в школу спасателей. В программе обучения говорилось о промышленном альпинизме. Я уже выполнял работы с верёвок, но систематических знаний не имел. Мне было тридцать восемь лет.

Контора, где обучали этому ремеслу, называлась «Сова». Бдела она и днём, и ночью, помогая людям открывать случайно захлопнутые двери. Кроме этого, её дежурные выезжали по вызову к больным. В служебном наряде были врачи. Первое время «Сова» не платила налоги, но её учредители поменяли афишу, едва их льготы закончились. Сегодня они выполняют несложные водолазные работы. Отмывают какие-то копейки, выделяемые из бюджета на защиту экологии; рисуют карты дна и величают себя «Выдрой», а тогда, вечерами, мы крепили верёвки на крыши многоэтажек и поднимались по ним, используя жюмары, а также постигали тайны человеческого великодушия за партами, изучая способы оказания первой помощи пострадавшим. Пересчитывали ребра под кожей друг у друга в поиске сердца, делали массажи, уколы, накладывали бинты в местах возможных кровотечений. Эти занятия проходили в классе гражданской обороны. Вёл их патологоанатом. Я задавал ему каверзные вопросы, мешая достойно излагать материал. Он тушевался, поскольку был моложе меня.

– Вот сходим в морг и посмотрим на деле, что такое анатомия человека, – пугал учитель в такие минуты. Но на эту замечательную экскурсию я не попал. В цехе случилась авария, и две недели мы работали без выходных.

– Ну, как вы там? – ехидно расспрашивал я потом товарищей по учёбе. – Резали трупы? Держали скальпель? Нашли второе сужение трахеи?

Они морщились.

– Ох, надышались и нагляделись... Ты лучше не спрашивай.

Врач лукаво посмеивался, прислушиваясь к беседе.

– У меня к вам предложение, – сказал он как-то на перемене. – Дома, я знаю, у многих есть животные, – и попросил принести в класс для опыта какую-нибудь «зверюшку», прежде чем её зарезать.

– Зачем? – удивился кто-то.

– Я помещу её сердце в физиологический раствор, и вы увидите, как оно ещё долго будет биться.

В завершение он поведал историю о том, как однажды во время его учёбы в институте на глазах у группы студентов учёные вернули к жизни мужчину, попавшего под машину.

– Не живут с такою травмой ни минуты! Тяжёлыми шинами поперёк человека... Десять тонн, – захлёбывался рассказчик.

Я сочился потом, представляя аварию.

– И чудо произошло!.. Врачи собрали этого человека. «Он всё равно умрёт, – заметил самый главный профессор. – Но мы показали вам силу медицинской науки». «Труп» на столе не согласился с великим учёным, очухался и сказал: «Я буду жить», но тут же скоростно скончался. Это была безнадежная, учебная операция.

– Я люблю свою кошку, – вздохнула Эльвира, – я не отдам её в злые руки на растерзание вампирам.

Городские люди – мы никогда не выращивали животных на мясо и неправильно поняли предложение врача. Наш учитель спохватился:

– Ну, конечно, не кошку... Может быть, курицу, утку, кролика?

– Крысу, – предложила Эльвира.

– Да-а, крысу!.. Крысу не жалко, – загалдели вокруг, – конечно же крысу. Есть ли у кого мышеловка?

Я вспомнил недавний разговор с сестрой. Она похвасталась: «Мне один осужденный крысу подарил. Чёрно-белую, страшную». – «Где же она живёт?» – «В училище, в клетке, ест всё подряд», – и во всеуслышание торжественно объявил собранию: «Будет вам крыса».

На следующий день она перебирала лапками у меня на груди – доброе, остроносое животное, большая мышь.

– Я их боюсь, – призналась сестра, отдавая подарок, – а зэки носят за пазухой. Во время урока, случается, вылезет такая безобразная тварь на плечо уголовнику, и хочется кричать.

Моя сестра работает в колонии строгого режима. Серьезные у неё ученики. Показывать им свою слабость для смеха ни к чему. Она держится молодцом. Крысу ей подарили в знак особого уважения.

– Правильный зверь, Наталья Ивановна, – в назидание сказал её бывший владелец. – Вы её не бойтесь, не подведёт, не укусит... Воровское животное – честное.

– Как же её зовут?

– Лариска.

Я принёс эту подопытную крысу домой и поставил клетку с ней на подоконник. Я человек рассеянный. Была ли дверца открыта или крыса нашла защёлку самостоятельно – мне неизвестно. Только ночью я проснулся оттого, что кто-то робко щекотал по лицу. Неужели Лариска?.. Первая мысль была сбросить её на пол. Но я подавил рефлекс и погладил животное. Она мне ответила лобызанием, а на следующий день я уже сам доставал крысу из клетки и играл с нею, как с котёнком. Однажды моя подопечная испортила кусок кабельной оплётки от телевизора. Торгующие вещанием деляги поломали мою антенну, и матовый ящик молчал более года, стоя без дела на полу.

– Хорошо, что меня отключили от их нечестных новостей и реклам, а то бы шарахнуло тебя, Лариска, током, – заметил я крысе.

– Я не плачу за фальшивую пропаганду...

Мы беседовали на равных. Добрая тварь.

– Где же обещанная крыса? – поторопил меня учитель.

– Пускай кто-нибудь курицу принесёт.

Рассказ второй. Пик «Солнечный»

Прошло полгода. По итогам учёбы в школе спасателей меня зачислили в резервисты. Но знания были ничтожны, и я отправился в настоящие горы. Почти на краю земли, где начинаются реки, находился альплагерь «Солнечный». В нём было несколько бревенчатых избушек и палатки. Едва начинался сезон восхождений, альпинисты спешили сюда учиться и работать. Они поклонялись горам и покоряли вершины.

– Я твой инструктор, – представилась мне девица лет двадцати пяти. – Я – Лена.

Рядом лежала пушистая лайка и грызла большую кость.

– Ты зачем пришёл в наши горы? Кто ты? Я по образованию – юрист, а начальник лагеря – гляциолог. Он изучает ледники и пишет научную работу о запасах пресной воды в природе. Самая чистая вода в мире находится здесь.

Я в свою очередь рассказал о промышленных трубах, ремонтом которых занимался много лет, о горячих печах, где приходилось работать, не снимая суконки, сделал акцент на том, что печи никогда не остывают – ни на минуту. Показал на пожухшие уши, обожжённые сквозняками, гуляющими внутри труб, и пояснил, что устал от жары и ищу прохлады на воле.

– Прохлаждаться ты здесь не будешь, – отрезала Лена. – Это не пансионат.

В это время рюкзак у меня за спиной зашевелился. Лайка насторожилась. Моя умница крыса освободилась из плена и нашла дорогу на волю. Шевеля усами, она осторожно выглянула на свет. Лена пронзительно закричала. Её собака вскочила на все четыре лапы и залаяла, истекая слюной. Крыса стремительно нырнула назад в убежище, в рюкзак, оцарапав меня когтями.

– Что это было? – спросила Лена.

– Крыса, – ответил я, вытирая на шее кровь.

– Такая страшная... Откуда она взялась?..

– Из тюрьмы, – и я поспешно рассказал о том, как учился на спасателя.

– Чтобы я её не видела никогда, – распорядилась девица.

– Она же ручная, добрая...

– Я кому говорю?

Отдыха я действительно не знал. Начались тренировки. Изучение особенностей горного рельефа, увязка страховочной системы, верёвочные узлы и учебные транспортировки больных проходили на новом уровне – на действительном полигоне. Хороший у меня был прежний наставник патологоанатом. В лагере я многое вспомнил и закрепил трудом. Новая учёба и акклиматизация прошли успешно. Было совершено два несложных групповых восхождения, и назавтра меня ожидал ледовый маршрут с настоящей страховкой.

– Я не пойду с ним, – заявила Лена начальнику лагеря и пояснила: – Он очень слабый, быстро задыхается и долго восстанавливает силы.

– Ты с ним пойдёшь, ты инструктор. Это твоя работа, – наказал ей начальник лагеря.

– Он тяжёлый... Если что-нибудь с ним случится, я не дотяну его до лагеря.

– Ты дашь сигнал из ракетницы, мы поможем.

– У него старые кошки. Они не держатся на ботинках.

Брезентовые ремешки креплений у моих кошек подгнили и лопнули. Я их взял у Вовки, который не поднимался в горы десять лет. Лена говорила правду.

– Вы возьмёте у меня новые буржуйские кошки и подгоните их.

Начальник лагеря выложил перед нами всё недостающее снаряжение.

– И затем эта ужасная крыса из тюрьмы, – безнадежно вздохнула Лена, поняв, что меня всё-таки придётся тянуть к вершине. – Да и сам он – чёрный, небритый, злой.

– Как я, – отрезал начспас, почёсывая пальцами свою косматую бороду, и, повернувшись ко мне, сердито закончил:

– Крысу не брать!

Вечером я долго подгонял новые кошки под ботинки. Тряс их, ударяя зубьями об стену – держались. Почти всю ночь не спал, мешая соседям, а утром был разбужен толчками: – вставай, и – на сбор! Выход в четыре ноль-ноль. Про крысу я забыл. Она прижилась у меня в палатке под боком и по ночам очень часто гуляла по лагерю, осваивая мир высокогорья. Каши ей было мало. Как-то она обнаружила в соседнем доме подспорье – прошлогодние кедровые шишки. Проживающие там работники оказались покладистыми и добрыми людьми. Они терпимо относились к шороху на полках.

Подойдя к языку ледника, мы с Леной синхронно вздохнули и заглянули друг другу в души. Проверили снаряжение: страховочную систему, «железо», кошки.

– Готов? – спросила она.

– Готов...

Я не спеша развешивал на обвязке ледовые причиндалы, карабины, оттяжки.

– Вяжемся, когда ледник будет круче... Это самая ответственная часть маршрута.

Смотри, не зевай, не суетись.

– Хорошо. Я спокоен.

Лена критически оглядела меня, вернуться в лагерь было ещё не поздно.

– Вперед!.. И опусти очки – ослепнешь. Старайся всеми зубьями кошек одновременно касаться поверхности льда.

У меня был хороший инструктор. Ледовые крючья я заворачивал по самые «уши». Мокрые руки мёрзли. Я менял перчатки. Однажды споткнулся и упал. Моя наставница подстраховала меня верёвкой.

– Я прошу тебя, – задыхалась она от крика, – сгибай колени во время падения кошками вверх, а то зацепишься ими об лёд и разобьёшься ещё сильнее...

Вдруг я догадался, что крыса находится в рюкзаке. Во время очередного падения послышался скрежет её когтей и писк.

«Как ей должно быть плохо на этой ухабистой дороге», – подумал я.

Солнце уже стояло высоко, когда мы ушли с ледника и оказались на каменном склоне.

– Теперь ещё немного, – успокоила Лена. – Основная часть маршрута уже позади.

Кошки я аккуратно снял и обмотал их рогожей, чтобы они нечаянно не поранили в рюкзаке мою любимицу – крысу. Немного отдышавшись, передохнув, мы продолжили восхождение. Стоя на промежуточном гребне, я увидел пройденный ледник от языка до вершины. Он показался мне крутым и горбатым.

– Ты видишь, какой ужасный подъём мы прошли? Это ты его сделал, – с уважением отметила Лена.

– Я очень устал на этом подъёме.

– Потерпи немного – впереди кулуар, а где-то здесь на северном склоне есть репер. Вот там и перекусим. Геодезические знаки в горах надёжны и крепки. Их устанавливают в местах, где не бывает лавин и камнепадов.

Но она не находила его.

– Странно... Может быть, он дальше?

Мы внимательно осматривали лежавшие перед нами вершины. Снег сверкал и слепил. Я щурился, бегло перебирая глазами склоны, и тоже не видел ничего похожего на геодезический знак. Только чёрная, сырая с виду, скала впереди словно мыс вгрызалась кинжалом в заснеженное пространство.

«Не такая она крутая», – подумал я и предложил:

– Лена, а может быть, вот по этому камню – по его расщелине мы поднимемся наверх? Я когда-то успешно втискивался в такие места в Крыму.

– Нет, Саша, это не Крым. Это рыхлые горы, разбитые грозами. Мы рискуем попасть в беду... Но где же геодезический знак?

Медленно огибали мы по белому полю этот суровый мыс. За ним кулуар поворачивал вправо и уже до конца просматривался маршрут – до самой вершины.

– Нет ничего...

– Мы не туда попали, – сказала Лена.

Тяжёлые снежные карнизы висели над нами, как тучи, отбрасывая далёкие тени на нижестоящие камни.

– А я-то, думаю, почему нет ветра? Он гуляет за гребнем. А тишина-то какая!..

– Как в морге, – добавил я.

– Ты не шути, – рассердилась Лена.

В это время крыса у меня за спиной запищала. Я снял рюкзак и освободил её из клетки. Лена вздрогнула.

– Ты же обещал мне не брать крысу в горы!

– Она сбесилась!..

Лариска стремительно выскочила из плена и, вытягиваясь, как ленточка, по снегу помчалась обратно за чёрные скалы, откуда мы только что вышли.

– Значит, у животных тоже съезжает крыша от недостатка кислорода? – печально отметил я в надежде на снисхождение инструктора.

Вы видели, как спасаются восходители в горах от приближающейся опасности? Как они несутся по скользкому фирну или по шаткой морене в поисках надёжного убежища от стремительно летящих с неба камней?.. Или от лавины снега. Как они спотыкаются на ходу, падают грудью на острые склоны, поднимаются в спешке, и раненные, опять убегают прочь от смерти, надрывая при этом лёгкие и сердце? Как оно бешено колотится – воздуха мало, из носа кровь...

– Саша!.. Бежим!.. Лавина!

Крыса и нашла среди рыхлых скал ту нишу, тот грот, куда мы с Леной успели спрятаться, задыхаясь от болей. Спустя мгновение с неба рухнули первые камни, и целый водопад горной пыли засвистел около нашего убежища, далеко разбрызгивая липкую грязь. Толкаемая лавиной ударная волна потревожила сонные скалы. Нарастающий её шум превратился в грохот, когда неуправляемая снежная масса ухнула по месту, где остался лежать мой рюкзак.

Вскоре всё смолкло. Осторожно разгребая завалы горного мусора, я выкарабкался из нашего убежища наружу, выпрямился; колени тряслись. И когда мне показалось, что самое страшное осталось уже позади, один таки камень сорвался неведь откуда и ударил меня по каске.

Я так и не стал замечательным альпинистом. Но мне повезло. Со мною в горы ходил настоящий инструктор. Она хлопала меня по щекам, искала пульс на сонной артерии, рвала на мне одежду, освобождая для дыхания живот.

– Ты цела? – спросил я, очнувшись.

Мои липкие губы еле растягивались в розовой пене.

– Цела, – с облегчением всхлипнула Лена.

– Тошнит...

– Твоя крыса умница!.. Она нашлась.

Лариска отыскала у меня в кармане кожаный футляр для очков и грызла его.

– Отдай! – потянулся я к ней.

Крыса жалобно запищала.

– А тебе его жалко? – вступилась Лена. – Я думала, что ты умрёшь... Мне стало страшно!.. Ты хватал губами воздух, наслаждался, захлёбываясь от счастья, и вдруг метаморфоза. Упал лицом на камни и не дышишь. Еле-еле тебя я на спину перевернула – тяжёлый, как слон.

– Надо подняться на пик, – промямлил я и отключился вторично.

– Хорошо тебя камнем ударило... Ты – контуженный, – баюкала Лена.

В лагере увидели нашу сигнальную ракету, и спасательный отряд немедленно выступил навстречу. Из палатки меня в ту ночь перевели в домик, где жили инструкторы. Там было тепло и уютно. Я слышал, как Лена уговаривала начальника лагеря зачесть мне это восхождение, мотивируя тем, что основная часть маршрута была нами пройдена, что во всём виновата она одна: не нашла дорогу наверх, просмотрела геодезический знак и поздно сообразила, что мы далеко зашли...

– Если бы не его крыса – мы бы погибли.

Я лежал на спине, голова гудела от боли, бредил.

– Все-таки крепко меня зацепило камнем, Пик Солнечный... А ты, Лариска, умница, ты понравилась всем. Мы ещё с тобой поднимемся в горы...

Рассказ третий. Где ваша крыса?

– Удивительную историю вы рассказали, мой друг!

Врач-патологоанатом медленно ощупывал больное животное.

– Я полагаю, что у неё рак, и – она скоро подохнет.

Так принято говорить о животных.

– Поездка в горы не прошла для неё бесследно. Она безнадежно простыла, штурмуя ледники вслед за хозяином, но более точный диагноз ей может поставить только врач-ветеринар, и то если ему приходилось иметь дело с грызунами. А кто с ними хочет иметь это дело?.. Крысы – они...

В этот момент в комнату зашёл другой человек, не слышавший мой невероятный рассказ.

– Бегут с тонущего корабля! – торжественно закончил он мысль врача и рассмеялся. – Они предатели!

– Неправда! – ответил я, скрывая обиду. – Крысы указывают нам путь к спасению. Вы же не знаете эту историю!

Он достал из кармана бутылку водки и согласился:

– Может быть, вы и правы... Пить будете?

Только четыре года спустя я наконец нашёл время и силы опять подняться в горы и посетить альплагерь моих друзей.

– Она ждала тебя три сезона и рассказывала ученикам о странном восходителе, который на одном дыхании прошёл самый крутой ледник. «И с ним, – восхищалась она, – была его верная спутница – крыса. Она учуяла неразличимый человеческим ухом треск карниза и бросилась искать спасение, а я догадалась вовремя поглядеть наверх и побежала за ней. Крысе удалось найти убежище от летящих камней и лавины снега. Он обязательно вернётся к нам – мой первый ученик Саша, и с ним его подруга – Лариска». Вы бы видели, как волновались слушатели...

– Но почему она не приехала сейчас?

– Лена вышла замуж... Она нашла своё счастье. У неё маленький ребёнок. А вы?.. Как вы?.. Где ваша крыса?

Я молчал...

Сказание об Эльвире-лётчице

Честного судью можно узнать по заштопанной мантии.
Народная мудрость

Чадили промышленные трубы.

Рассекая дымы ножами крыльев, в небе кружился биплан.

– Или мне показалось? – удивился директор чёрной металлургии.

Он был единственным в нашем забытом богами, забытом городишке кандидатом технических наук. Если случалась важная пьянка, делега оставался в управе заночевать. Вчера ему за великое усердие в экономике вручили дюралевую медаль и объявили, что она – золотая. Солнце ещё не взошло, а матёрая секретарша уже раскисла от притязаний великого управленца. Она натянула строгое платье и стала стройной.

– Вам не показалось, Андрей Иванович, – жеманно ответила служебная женщина, подкрашивая губы. – Эта небесная железка носится больше часа.

Грохотало важное производство. В разбитых окнах обветшалых цехов мерцали незатухающие огни сталеплавильных процессов.

Кукурузник взмыл в небо, сделал широкий круг над высокими отвалами шлаков и, вращаясь, промчался между кирпичными трубами мартенов. В эту минуту сталевары запустили в переплавку сырую шихту. Взрыв оказался сильнее прежних. Пламя взметнулось в небо через аэроционные фонари. На крыше возник пожар. С бодуна управляющий комбинатом директор подумал, что в город пришла война. Его перегруженное сердце устало от эмоций. Он упал, хватаясь за штору. Упала гардина.

Биплан завис, как хищная птица, и задним ходом вернулся к мартену. Из самолёта широким потоком хлынула вода. Огня не стало. Парила крыша.

В то раннее утро Эльвира Макаровна Ротоенко катала доченьку Машу на «пернатой» машине. Мамка работала пилотом в спортивном клубе «Стрижи». Эльвире было около тридцати, а мелкому штурману Машеньке – семь лет. После успешного налёта в металлургию они умчались в сторону восходящего солнца.

Пилотов нашли. На скорую руку собрали скорый суд. С директорской стороны заявили лучшие правоведы. Они имели корпоративные заслуги, амбиции и большие зарплаты. Этим пронырам приказали начать участие в споре, как потерпевшим. Известные крючкотворцы, ловкачи и шаромыжники – запевалы процесса огласили претензии: лётчица нарушила запретное небо над комбинатом, стояла тёмная ночь, и во время полёта имелась высокая опасность разрушения зданий. Вдобавок у директора, осознавшего это несчастье, случился тяжёлый приступ стенокардии. Напоследок обвинители доложили, что полёт Эльвиры Ротоенко – самовольный, к тому же в биплане на месте второго пилота присутствовал ребёнок.

– Да, – подтвердила лётчица. – Я катала дочку.

– В близости от важных объектов, где работают люди? Между высоких кирпичных труб? Используя своё служебное положение? – удивилась судья.

– Это не так опасно, Ваша честь, как вы представляете. Знаменитый лётчик Валерий Чкалов, поспорив однажды с друзьями, пролетел даже под Троицким мостом в жилом массиве города Ленинграда – и ничего не случилось.

– Но разве вы получили на это письменный приказ? Я что-то его не вижу.

Чёрная, как ворона, в заштопанной мантии пожилая судья устало, но твёрдо поглядела на Эльвиру.

– Нет, – ответила смущённая лётчица. – Приказа я не получила. Чтобы слетать ко мне на родину в Украину на лайнере – в Харьков... Это нам с дочкой не по карману, а девочке в

жизни нужно повсюду побывать. Она, как и я, очень любит бескрайнее небо и хочет учиться на пилота в той же самой лётной спортивной школе, в которой училась я.

Ответчица заикалась. Блестели слёзы.

В начале этого века, в новорусские, подлые, проклятые времена законную зарплату не выдавали годами. К тому же у пилотов аэроклуба она была мала. Лётное дело стало не важным. «Стрижу» помогали, да немного. И всё-таки случалось, что спортсмены тушили в жару горевшие лесные посадки и степи, распыляли в полях отраву против саранчи, а в майские праздники устраивали шоу, петляя в небе, бросая при этом в город поздравительные открытки.

Судья не сдержала эмоций:

- Странные капризы у вашей дочки.
- Вы меня неправильно поняли, Ваша честь.
- А кто у неё отец?

– Олесь Иванович Ротоенко. Он рано погиб во время испытаний нового самолёта. Я тогда ещё училась в секции планеризма.

– И после гибели мужа вы, молодая особа, продолжаете безумно носиться ночами на допотопной машине вместе с ребёнком? Рискуя при этом жизнями?

– Только единожды, Ваша честь. Бипланы – это самые надёжные в мире самолёты. Для пущей поддержки в небе они имеют спаренные крылья.

В прениях соперники доложили, что около их управы старый, ослабший летательный аппарат остановился на полминуты в небе и помчался по ветру обратно к мартену задом наперёд. Это движение попало в зону просмотра видеокамер. Очевидцы подумали, что налётчица оплошала.

– Вы были неуправляемы? – спросила судья Эльвиру.

– Неправда, – ответила женщина. – Мы были умелые. Я дважды была чемпионкой Украины по самолётному спорту.

– Мамка тушила на горевшей крыше пожар, а я держала в руках штурвал, – важно добавила Машенька, перебивая ход процесса. Она спешила выглядеть взрослой.

Судья обомлела. Потерпевшие заорали:

– Это – уголовное преступление. Вы, пожалуйста, занесите признание девочки в протокол, иначе мы его не подпишем.

Директорские юристы дорожили карьерой на комбинате, они хотели победы в суде любой ценой.

– Не ваше слово, – ответила озабоченная судья.

В перерыве, когда арбитры удалились на совещание, мамка обняла доченьку и шепнула, глотая горечь:

– Павлуша ты, Павлуша... Ты погляди на этих упитанных учёных приматов, живущих в тепле под шкурами своих администраций, не знающих ни ветра, ни слякоти, ни зноя, ни радости полётов. Они желают нашей разлуки. Запомни их лица...

Ржали, травили байки, ковырялись в зубах юристы чёрной металлургии.

– А кто такая Павлуша? – спросила Маша.

– Он, как и ты сегодня за меня, заступился за брата Федю. Это были маленькие мальчишки. Их обвинили ни за что и зарубили взрослые дядьки, хотевшие крови.

– Нас тоже убьют?

– Тебя отправят на воспитание в детский дом, а меня побреют на лысую и посадят на много лет. Я стану зэчкой.

На оглашение приговора приехал директор чёрной металлургии. Он увидел заплаканных ответчиц и ядовито спросил:

– А вы почему такие немые?

– Молчание – золото, – отрезала Эльвира.

– Откуда у вас столько много богатства? – расхохотался учёный.

Судьи вернулись. Как один монолит поднялись испуганные мама и дочка. Лениво, развязно, долго вставали самоуверенные директорские подлизы.

– Садитесь, – приказала судья пилотам. – А вы, – повелела она юристам, – по стойте.

Бегло и машинально старушка перечитала напыщенные претензии к оболганным людям и огласила решение государства.

– В деле Эльвиры Макаровны Ротоенко нет криминала. Её накажут в служебном порядке в аэроклубе «Стрижи» за самовольный полёт. Напротив, сталевары мартеновского цеха той ночью нарушили технологии заправки в печь металлического скрапа и виноваты в пожаре, возникшем после выброса шлака. Пролетавшая в небе над комбинатом лётчица Ротоенко увидела горевшую крышу и умело потушила на ней огонь. Она без всякой корысти пришла на помощь пострадавшему цеху. Разбирая это важное дело, нами были дополнительно опрошены специалисты по надзору за состоянием зданий в период эксплуатации. От них мы узнали, что руководство чёрной металлургии не уделяет внимания профилактическим ремонтам. На промышленных трубах, между которыми летала Эльвира Макаровна Ротоенко, уже в течение многих лет не горят ночные светильники, необходимые для ориентации пилотов, и сами трубы не окрашены сигнальными красками. Мы обязуем дирекцию комбината исправить эти просчёты...

Как юридическое лицо учёный руководитель был оштрафован и обесславлен. Да ненадолго. На следующий день он написал приказ о создании подучастка ремонта промышленных дымовых труб при участке «Огнеупорные работы» в цехе ремонта металлургических печей, где я трудился много лет. Старых юристов в управе поменяли на молодых, ещё неизвестных, трудолюбивых, не обнаглевших. Эльвиру на целый год лишили права пилотирования самолётов.

– И пусть, – бурчала она, вернувшись в аэроклуб. – Я всё равно останусь в небе парашютисткой.

– И я, – повторяла дочка.

Скрап¹

Рассказ первый. Старый кабель

В ненастную пору, осенью, экскаваторщик Кротов Иван Иванович откапывал у подножья шлакоотвала глыбу огнеупорных кирпичей, закозлованную металлом. Неподатливая на клык, она лежала мёртвая, поглощённая оползнем, окованная морозом. Врываясь в затвердевшую землю, машинист зацепил ковшом экскаватора медный кабель.

– А ну-ка, посмотри, что такое? – приказал он низовому рабочему, пособляющему в добыче лома.

Его помощник послушно качнулся в сторону рваных проволочных огрызков, припал на хромые ноги и осторожно коснулся меди костяшками пальцев.

– Да ты не бойся, – ухмыльнулся наставник, – меня бы убило первым.

Кротов прожил в городе сорок шесть лет и помнил его историю. Когда-то рядом с шлакоотвалом стояло электрохозяйство. В стабильные годы плановой экономики оно питало цеха завода железобетонных изделий. Но новые рыночные реформы сокрушили хозяйствование, закупочные цены поднялись до невероятных размеров, и производить железобетон стало не по карману. Заводик остановился, опустел, а следом началась приватизация госимущества. Душевные струны у обывателя гудели новой идеологией – частную собственность объявили приличной, а государственную – безликой, позорной, враждебной народу. В голодном страхе разбирали постройки люди. Боялись, что от брошенной на драку собаку страны им не достанется ни камня, ни бруса, ни арматуры. «В хозяйстве всё сгниёт», – говорили они стыдливо друг другу в оправдание суеты.

Поодаль дымили мартеновские трубы. Чтобы грабежи не перекинулись в металлургию, было приказано обнести высоким забором всю округу, и руины никому уже не нужного железобетонного производства, как бы случайно, тоже оказались под патронатом у металлургов. На заре возрождения капитализма в России брошенная недвижимость порою стоила дешевле, чем шуба для секретарши. «Прикупили задаром», – бубнили завистники, поминая при этом недобрый словом старого, сердитого красного коммуняку-директора, остановившего грабежи, создавшего свой промышленный анклав. Но всё же развалины присвоенного придатка округлились без дела и обросли беленой, как волосами покойник. Только внимательно приглядевшись с высоты шлакоотвала, можно было увидеть среди высокой травы остатки битого кирпича и рыхлые плиты перекрытий подвалов. Целым осталось одно бомбоубежище, сделанное во время оно на случай атомной войны.

Экскаватор у Кротова остался после ликвидации дорожно-строительного кооператива. В последние годы социализма его зачинщики сорвали немалый куш. Они поделились дурными деньгами с людьми, утвердившими сметы, что-то заасфальтировали, а излишние вырученные копейки перевели в торговлю, где оживили их для частного блага. Два года этот кооператив просуществовал на льготном налогообложении, пуская пыль в глаза инспекций. Когда отменили поблажки, он закрылся. Избыточное добро отцы-председатели решили распродать и поделить добытую выручку по-братски, пропорционально участию каждого члена в деле кооперации. Предвидевший это Иван Иванович тайно увёл артельный экскаватор в село, где

¹ Скрап – это отходы металлургической промышленности, представляющие собой лом чёрных металлов с высоким содержанием шлаков. В первую очередь это – промышленные остатки в плавильных агрегатах, а также расплавы, потерянные в процессе литья или перемещения стали и чугуна. Скрап в металлургии также объединяет в себе весь мелкий чёрный лом, да и само название, позаимствованное из английского языка, в переводе означает «отходы, лом». – *Политехнический словарь*.

доживали родные, и припрятал его в овражке. Он вернулся в контору пешком и объявил собранию, что машину у него угнали из-за ротозейства неизвестные лица в сторону Казахстана. Не удручая себя поисками истины, у Кротова высчитали остаточную стоимость пропажи и обездолили в остальном. Его выгнали с позором, не давши ни копейки от распроданного имущества. Но деньги через год обесценились, открытая было зачинщиками торговля задохнулась, а экскаватор нашёлся. На нём Иван Иванович приехал в город, как на парадном коне, покачивая ковшом, словно флагом победы, торжествуя и злорадствуя над незадачливыми друзьями, потерявшими место в жизни. И действительно, недалёковидные совки-кооператоры остались без хорошей работы и пришлись не ко времени: обветшали, состарились у своих опустевших витрин и прилавков. Он же, Иван Иванович Кротов, катился в гору и пользовался успехом на строительстве индивидуальных домов. Ломал какие-то мелкие постройки у богатых заказчиков, расчищая им пространство для новой жизни, обсыпал обломками этих построек ручейные берега, рыл траншеи для прокладки канализационных труб, тягал по бездорожью старые рельсы, профилированные уголки, швеллера, забытые на «замороженных» объектах растапами социализма. Брал на лапу звонкой монетой, но дешевле нежели коммунальные службы. Кротов изучал маркетинг не в академиях, а на деле. В нём ожил хозяйственник. Какая-то хромосома зудела о прошлом. Его рачительные пращурсы наверняка когда-то глумились над другими бездарными человечками так же, как и он, жили в достатке, имея лошадей и коров. Но когда появились колхозы, их нестойкие хозяйственные образования загнулись от классовой зависти и жадности голытьбы. Через полвека, сегодня, Кротов за пядью пядь возвращал награбленное совками добро себе. Недавно он разобрал систему мелиорации на старом поле за городом, где уже ничего не росло, кроме бурьяна да конопли, от нехватки исторических хромосом в генофонде у сельсовета. Ивана хотели привлечь к ответственности понаехавшие на сладкое менты, плодовые во все времена до денег и взяток, но, когда узнали, что заказчиком нержавеющей труб был не кто иной, как градоначальник Дубровченко, отступили с позором, не отжавши у Кротова ни копейки.

Плохо лежавший в округе металл скоро закончился. Строительные конторы безмолвствовали. Вчерашние кротовские вельможи-заказчики подтянули ремни и закрыли свои амбары. Это настало время дефолта девяносто восьмого года. Даже на кладбище, где объёмы работ не упали, а премного возросли, механизаторы жили бедновато, дрались, как таксисты, за каждого клиента. Родные покойных рассчитывались за рытьё могил только самогонкой и объясняли понуро, что сами, мол, выживают на молочные талоны за вредность на производстве, покупая на них лиловые пирожки в рабочий полдень, дабы не загнуться до вечера от перевыполнения всяких планов. В такие минуты кладбищенские копатели, хмелея, горевали совместно с ними в унисон, оправдываясь за своё излишнее скотское жлобовство, уверяя, что существуют на подножном корму от смерти до смерти и живут солидарно со всею Расеей в ногу, как честные люди.

Наличность выдавали только в пунктах по приёму металлолома. Бесформенного железа было много на шлакоотвалах, куда и подался Кротов работать на себя и на Гвоздя – хозяина скрапа. Так называли в народе рэкетира, державшего все дороги на металлургический комбинат под контролем. Гвоздев скупал у добытчиков их металлы. Он их перепродавал на переплавки. И боже упаси, было мешаться под ногами у этого человека. Самодеятельные старатели пропадали без вести в тургайской степи.

Рассказ второй. Флаги

У ковша экскаватора сверкнуло богатство. Обесточенный кабель пролежал в земле без дела пятнадцать лет. Рэкетеры не знали о нём, потому что были молодыми, а доживающие в честности старожилы по инерции ковырялись лопатами в садах, выращивая картошку.

– Золотая жила, а, Фима? – тихо спросил Иван Иванович у помощника.

– В свинцовой оплётке, – также тихо ответил напарник.

Звали его Ефим Гудкович. Никудышного вида, почти калека, хромой на обе ноги, неопределённого, уже предсмертного возраста от сорока до шестидесяти лет (в России мужчины, как правило, дольше не живут.), грязный, несвежий, он появился на отвале недавно и поселился в сторожке, находившейся в бывшем клубе монтажной организации. Парализованная реформами эта шарага доживала, сдавая в аренду своё недвижимое хозяйство: склады, гаражи, бытовки. Чтобы рассчитаться с долгами за «кучерявое» прошлое, автомашины этой конторы были уже распроданы. В боксах теснилась помятая техника добытчиков скрапа. Чернели смотровые ямы, загаженные мазутом. На стеллажах ржавели неликвидные запчасти, уцелевшие от продаж; повсюду валялись инструменты: ломы, кувалды, гаечные ключи, зубила. Где-то ночами ютился сторож, по лаю собаки выглядывавший во тьму. Впрочем, запоздалых прохожих здесь почти не бывало, на окраине захолустья даже в погожий день немало грязи. Разве что некоторые подсобники, имеющие семью, нахлеставшись до положения риз, оставались заночевать. Лишь тогда появлялись их сердобольные близкие: жены ли, дочери ли, сыновья ли, внуки, уговаривая вернуться любимых забулдыг в родные пенаты, бывало, что уносили их, взяв под мышки или закинув за плечи, если те не шевелились совсем. Ещё при клубе проживали случайные люди. Такие, за которыми никто никогда не приходил. Немало их и донные находят покой в теплушках старых промышленных зданий. Как правило, все они работают плохо и напиваются сразу же после первой подачи. Многие из них, уставши от жизни, умирали по дороге из магазина на шлакоотвал в старых коллекторных колодцах или каких-нибудь подвалах. Однако подсобники у Кротова не переводились ни на минуту, потому что по свету шло сокращение рабочих мест. За сотку рублей в день, которые выплачивали Иван Иванович и иные какие собственники бульдозеров или кранов, люди были готовы убить друг друга – шёл естественный отбор населения к лучшей жизни, обещанной реформаторами, захватившими власть в стране.

Фима, хотя и попахивал подвалом, но на забулдыгу был непохож, и поэтому Кротов, самый преуспевающий на отвале старатель, платил ему ежедневно по сто пятьдесят рублей в смену и ещё полстолька за сверхурочные часы, если где-то на стороне случался какой-нибудь аврал или халтурка – заказчиков у Ивана было не счесть. Неподконтрольный начальнику шлакоотвала механизатор, он в любое время мог умчаться в город на любую работу – копать траншеи барыгам или иным богатеньким «буратинам» со странностями. Иногда Иван Иванович брал на такие дела с собою Фиму, но чаще всего давал ему отдохнуть от безумных, бездомных, грязных будней или посылал его на заброшенные склады провести кое-какую инвентаризацию утиля. Однажды, перебирая на стеллажах ненужный хлам, Гудкович нашёл старинные шёлковые флаги. В советские времена с ними выезжали на Первомайские праздники строители коммунизма. Поначалу Ефим равнодушно забыл про эти тряпки, но, когда через неделю-другую ударили морозы, на базе заметно похолодало. Всё тепловое отопление в клубе отключили за долги ещё пятилетку тому назад. Электричество всё же питало сторожку, минуя счётчики коммуналки. Но единственный маленький ТЭН-трамвайка не обогревал всю ночлежку. Гудкович пытался дрыхнуть в бушлате. Да, поди, поворочайся с боку на бок, когда отекающие ноги скрипят да ноют в суставах от всякой твёрдости, на которой ты лежишь. После такого сна к утру усталости в теле больше, нежели от работы на производстве.

Замерзая, бродяга вспомнил про флаги, лежавшие в боксе. Он перенёс их в сторожку. Уже на месте их раскроил и начал использовать как постельные принадлежности, покрывая ими свои матрасы, собранные из ватной одежды пропавших рабочих. Самый большой бархатный флаг с портретом Ленина днями висел на стенке ковром. Ночами Фима им укрывался как одеялом и жил вполне пристойно, по-божески – спал, раздеваясь до нижнего белья, чтобы не обовшиветь без горячей воды...

Как-то на шлакоотвал приехала комиссия по охране труда. Её ответственные работники прошлись по объекту, заглядывая под каждую машину, осмотрели грузозахватные приспособления, пересчитали обрывки прядей на каждом стальном канате и указали пальцами на нарушения техники безопасности. Они существенно заметили, что кадровые рабочие, занятые обвязкой грузов под механизмами, должны иметь на себе хотя бы красные куртки, чтобы не случился какой-нибудь несчастный случай. Потом зашли в сторожку и сделали необходимые предписания по производству работ.

Начальнику цеха было всё равно, во что одеты его рабочие. Приличную сумму денег в инспекцию передали ещё вчера через третьи руки, как и принято в государствах огромного размера. Он был уверен в благополучном завершении проверки, но для порядка согласился со всеми ядовитыми замечаниями, вёл себя паинькой, обещая исправить все выявленные недостатки сиюминутно. Увидев убранный красными флагами топчан, вожак распорядился сделать из них накидки для «стропалей». Назавтра все четырнадцать подсобных рабочих и с ними сторож, как мушкетёры, щеголяли по отвалу, ряженные в нагрудники, пошитые из ярких советских флагов. Они хохотали, отхаркивая похмелье, по поводу исторических соглашений в Беловежской пуще, подаривших им такой развесёлый прикид, и поминали лихом старых важных коммуняк: «Хоть шерсти клочок, а то бы жили, не зная чешского пива». Хотели порвать на части даже бархатное знамя. Из него бы получилось ещё две накидки для прораба и нормировщика, да Гудкович проявил характер и не допустил вандализма. Словно политрук Великой Отечественной войны, он намотал оскорблённое всеми полотнище на своё давно немытое тело и напялил телогрейку. Ядовито, но всё же стыдливо ржали и ржут донныне иные герои вчерашних дней, слушая эту ничемную историю из уст старожиллов отвала, глядя на ряженных скоморохов, цепляющих металлические останки на крюки грузоподъемных машин, гадая, из какого флага пошито одеяние того или иного клоуна-забуддыги. Который украинский, который казахский, который из них молдавский или прибалтийский.

Рассказ третий. Сало

Фима понравился Кротову. В день, когда они обнаружили кабель, Иван Иванович вернулся из города на отвал с маленькой халтурки. Не самый именитый застройщик Володька Баранов в погоне за модой решил на своём подворье построить водоём, как у шаха в гареме. Недавно он посмотрел по телеку боевик, где раздетые красотки грели свои роскошные телеса около такого бассейна. В его воде отражалось чистейшее небо юга. В отдалении на фоне барханов потели юные ваххабисты, отрабатывая приёмы рукопашного боя. В детстве Володька обучался вместе с Кротовым в музыкальной школе на гитариста. Позже, в юности, они играли в футбол за сборную города и подавали надежды в этом виде спорта да не достигли больших высот ни в музыке, ни на поле. Зато приловчились заколачивать деньги на леваках. Баранов имел отношение к ведомственной столовой, где верховодила его любимая женщина. Едоки в забегаловке уже почти не появлялись, а вот готовили пищу в ней так же, как и ранее, полно-весно и по-советски – на четыреста ртов. Чайня о народе всё ещё инертно дурманили умы высокой номенклатуры. Даже появились подвижки, стимулирующие питание. Администрация предприятия, где находилась столовка, сердито взяла своих голодных работников во внимание и угрожала уволить их к чёртовой матери, если они не будут кушать в полную меру. Но челядь не поддавалась на инновации: терпела, жалея последние деньжонки. На все угрозы вышестоящего руководства она уверенно отвечала, что сыта по горло до самой смерти. Экологически чистые продукты, недоеденные в столовой, стали подспорьем в хозяйстве кротовского друга. Баранов держал поросят. Финансовые проблемы его не коснулись ни в девяносто первом, ни в девяносто третьем, ни в девяносто восьмом годах. Не сломили его инфаркты и микроинсульты.

Одержимый мечтой приблизиться к гламурной жизни уже сегодня, Володька попросил Ивана Ивановича по старой дружбе немного ему помочь и копнуть пару раз клыками на приусадебном участке чуть повыше канализации. Кротов, конечно, замаялся. Морщившись, он объяснил вчерашнему другу, что за бесплатно работать грех. «Не то, мол, время настало, Баранов... Тяжёлое время!.. Подлое время! Меня никто не жалел, не лелеял, – объяснился Иван. – Я сам на ноги поднялся... И не проси меня, друган, о помощи на бескорыстной основе. Не кощунствуй! Где твои деньги – основа капитализма?». Но всё же они ударили по рукам и согласились на бартер. Работы было на два часа. Для пущей важности Иван Иванович поковырялся в земле подольше и отжал у хозяина полтуши свежего поросёнка, а также шмат солёного сала. Свинину Кротов отвёз в холодильник, а сало по-братски разделил на две равные части, одну из которых небрежно пожаловал Гудковичу при встрече вместе с булкой тёплого хлеба.

– Ты режь, Ефимушка, сало и ешь его, не стесняйся...

Старатели встретились рано утром у подножья отвала. Закозлованная глыба мозолила Кротову глаза более года. Недосуг ему было подъехать поближе к ней и копнуть. Но в преддверии зимы сегодня Ивану подумалось, что работы всего-то на десять-пятнадцать минут, однако козёл сопротивлялся долее, и он решил передохнуть, а заодно и подразнить своего безлошадного соседа по поводу его маланской фамилии.

– Или брезгуешь сала? – ехидно переспросил Кротов, увидев, как нерадостно Ефим принял его подачку. – Вера тебе мешает?

– Какая вера, Иван Иванович?

– Известно какая вера... Твоя. Иудейская вера.

– Я – украинец, – отрезал подсобник.

– А поседел преждевременно. Это, Ефим Захарович, еврейский синдром. Скажи: ку-куру-за.

Когда-то Кротов прочитал статейку о том, как немецкие захватчики Украины проверяли евреев на картавость, и тряхнул эрудицией перед незадачливым компаньоном, не имевшим ни

семьи, ни работы, ни паспорта, полностью зависящим от него, от Кротова – почти капиталиста, к тому же русского, коренного, светловолосого мужика, успешно гребущего деньги прямой и обратной лопатой своего экскаватора, с высоты кабины глядящего на мир, на людишек, копавшихся для него в земле за сто или двести рубликов в смену. День, когда Иван Иванович зарабатывал менее пяти-шести тысяч на карманные расходы, считался прожитым напрасно. Роль вельможи была ему по душе.

– Вирус еврейства разъедает Россию, – глумился Кротов. – Повсюду Абрамовичи, Ходорковские, Дерипаски. Всё меньше и меньше шансов остаётся на оздоровление славянской державы, лежащей от Бреста и до Находки. Даже я скурвился, обирая клиентов на задворках индивидуального сектора жизни. Барана – друга ныне обул. Впрочем, какой он друг? Он тоже – сволочь. А ты, Ефим Захарьевич, гутаришь со мною, будто не еврей. Или не любишь деньги?

– Я, Иван Иванович, бесфамильный, советский.

– А говорил, что украинский, а ну, покажи-ка паспорт.

– Мои документы остались у женщины, с которой я сошёлся в Тюмени четыре года назад.

– Чего же ты не живёшь с нею сегодня? – сварливо кичился Кротов.

– Я не прижился, Иван Иванович, я водку пью, не зная меры, как самый русский человек.

– Тогда не спорь со мною и радуйся этому салу. Мировой закусон!

– Мне бы обратно билет в Тюмению на поезд, да в кассе без паспорта мне его не продадут.

– Будет тебе и билет, и будет паспорт. Ты только работай.

Кротов достал из кармана рубашки большую, словно колода карт, пачку денег и отсчитал, не картавя, Ефиму должное за вчерашний день.

– Р-раз по сто и два по сто... – Он мотивировал подачку: – Ефим Захарьевич, вчера ты простоял по моей вине. На билет до Тюмени пока не хватает, но ты эконошь, не бухай, копи и станешь солидным человеком.

Пристыжённый Ефим понуро взял эти мятые бумажные сотки, не глядя в лицо Ивану.

Когда хозяин экскаватора запихивал своё растрёпанное богатство обратно в костюм, из колоды его бумажек на землю посыпались монеты. Это была сдача из булочной. Мелочь Иван Иванович забирал у продавщиц машинально, кидал её в свои карманы небрежно и никогда не пересчитывал. Чтобы поднять улетевшие пятаки, Кротову нужно было покинуть кабину. Однако, покушав, он нежился от сытости в удобном сиденье и оставил без внимания разбросанные деньги. Ивану Ивановичу не хотелось спускаться за ними вниз. Гудкович подобрал всё до копейки и протянул их обратно хозяину, но тот отмахнулся от послушного ему человека, как от назойливого гнуса, и пожаловал все эти мелкие деньги Ефиму на чаевые.

Рассказ четвёртый. Гудкович

В советское время старший прапорщик Гудкович обучал вчерашних мальчишек парашютному делу, приумножая славу воздушно-десантных войск. Его подопечные готовились поэтапно. Прыгали с вышек, потом бросались из самолётов и воевали пункты воображаемых врагов. Как-то в одном из горных районов внезапно поднялся сильный ветер и занес неопытного солдата на силовую линию электропередачи. Этот парашютист едва не погиб, зависнув на проводах. Приземлившись рядом с ним инструктор Гудкович не растерялся. Он выхватил из сумки резиновый шлем противогаза, завернул им свою руку, взял в неё ножик и обрезал парашютные стропы ученика – спас ему жизнь. Ефиму сняли ранее наложенное взыскание, полученное им за пьяный дебош на танцплощадке. Он устроил его, поругавшись из-за девицы с молодым человеком, не оказавшим достойного отпора воевке в рукопашном бою. Вмешалась комендатура. Безызвестный тогда ещё инструктор-парашютист оказался в кутузке. Но после подвига в горах его героическое лицо появилось в гарнизонной газете «Красное словцо», а чуть попозже – во всесоюзном журнале «Сельская жизнь». Гудкович стал знаменитостью. Он вернулся на танцплощадку в форме десантника со всеми праведными значками своих отличий на груди, чтобы повторно заморозить ту самую дивчину, из-за которой случился конфликт. В стране стояли «горбачёвские» времена. Вино-водочные прилавки были покрыты пылью. Напившись шадыма, как и все нормальные люди не познавшие ответной любви, Ефим Захарович целый вечер прилюдно ухаживал за подружкой и даже пообещал посвататься, да только его симпатия испугалась безумного поведения разряженного гвардейца и убежала в слезах. Из рта у Ефима пахло свежей резиной. Когда старший прапорщик отрезвел и очистил свою глотку от вони свежими фруктами, он тут же отправился на хату к девчонке, чтобы извиниться за конфуз. Было за полночь, когда влюблённый десантник, поднявшись на цоколь нехитрого деревенского дома, нашёл опочивальню своей любимой. Собак хозяева не держали, и казалось, что ничего не мешало знатному прапору устроить личную жизнь не хуже, чем у комбата. Тот на каждом деловом совещании костерил за «квадратные» яйца всех своих офицеров, охолодивших себя для безделья в личной жизни. Комбат ставил примером семью капитана Брагина, растившего пятерых детишек и гулявшего налево и направо, как и все военные лоботрясы. «Фруктовый бестия, – восхищался комбат, говоря о Брагине, – и жена его фруктовая – прямо заноза в сердце у всякого мужчины». Такими словами он заканчивал воспитание упёртых армейских холостяков, желая им скорейшего семейного счастья.

Ночная вылазка у Гудковича закончилась плохо. Когда он был уже на расстоянии дыхания от возлюбленной, не собака, а старый козёл Тишка, привязанный к столбику для того, чтобы не разорять капустные грядки на огороде, проявил завидную прыткость и ткнул армейского ловеласа рогами под задницу. Фима стукнулся головой об оконное стекло. Оно разбилось, и проснулся весь дом. Тишка вторично ударил горе-любовника в ягодицы. Посрамлённый Гудкович развернулся и дал ему сдачи. Это была решающая ошибка. Козёл упал и издох. На пороге дома появился хозяин с дробовиком. Наш воевка дал стрекоча. Он помчался в сторону ветхого курятника, запрыгнул на крышу и провалился насквозь. Куры заголосили, словно у них появилась в гостях лисица или волк.

Изгалялась прокуратура, рассказывая судьям всю подноготную сватовства. Девчонка ревела, доказывая свою невинность, и боготворила козла Тишку – ту единственную достойную мужицкую душу, защитившую её честь. «Я так его любила», – закончила девушка показания, имея в виду козла. Люди гоготали. Едва с Ефима сняли гипс, его воспитанием занялся политотдел. Военные педагоги всех мастей: замполиты, парторги, высшие командиры проводили собрания и около года на каждом из них поминали незадачливого мужлана Гудковича: «Сходил, – мол, – налево и убил козла вместо того чтобы осчастливить бабу потенцией». Позорили

Ефима как могли: по-солдафонски, грубо, матерно, чтобы не в пример подрастающим «ржевским» был этот случай. Басисто рычали высокие генералы. Им вторили баритоны седых майоров, и совсем уже по-детски дискантами пересказывали всю эту историю сопливые лейтенанты и всякая молодая холуйская сволочь, живущая в каптёрках под шкурами у ротных командиров. После этого случая Гудковича исключили из партии и напоследок окрестили судом чести старших прапорщиков, признавши, что он дискредитировал Советскую армию в глазах у мирного населения. После этого Фиму отправили на склады – завхозом. Но не вследствие педагогической травли, а по причине его здоровья. Прыжки с парашютом пришлось оставить – ноги после падения в курятник не заживали. Героическое прошлое Гудковича кануло в лету. Он, конечно, остепенился, да остался холостяком...

Старая армия развалилась вместе с большой страной. Ефим Захарович оказался не у дел и новое мирное ремесло осваивал на стройках, работая подсобником у бывалых специалистов. В поиске достойного дела он подался в тюменский край. Не имея российского гражданства, Гудкович нашёл нелегальную работу на даче у богатого «Буратино». Вместе с другими бичами бывший вояка крыл ему крышу, стеклил и плотничал, также окучивал картошку, а когда получил свои первые деньжищи, то перебрался в город, подальше от мошкар, к случайной подружке, с которой без особой любви и согласия прожил почти два года. Работал он, как и прежде, по частным местам, где не нужно было ни документов, подтверждающих профессиональное мастерство, ни удостоверения личности. Его украинский паспорт остался залогом порядочности у женщины, с которой он сошёлся. Документы Ефима лежали на полке в старом шкафу, где помимо всяких тряпок хранились также другие бумаги и книжки. Всего бы ничего, да после очередного дефолта застройщики перестали выплачивать халтурщикам наличные деньги. Все накопленные людьми рубли обесценились, и жить на широкую ногу стало невмоготу. Примак бездарно валялся в депрессии на диване в чужой квартире, в далёкой створне. Хозяйка его ежедневно пилила и выгоняла искать себе дело. Семейные сцены ожесточились, когда сожитель стал выпивать. Однажды появился участковый милиционер и провёл разъяснительную работу. После этой беседы Гудкович покинул свою подружку. Прощаясь, он объяснил причину разлуки: «Я как следует напьюсь до кондрашки, до положения риз и вернусь уже трезвым, с деньгами под мышкой». В пивной он рассказал про житейскую драму, поплакался, и, увидев, что Ефим никуда не годный, не нужный мужчина, недобрые люди его усыпили и продали за рубеж. Человек очнулся от холода в яме. Кругом громоздились горы, покрытые шапками снега. Это был Восточный Казахстан.

Весной он убежал из плена. Шёл ночами на северо-запад, стараясь не попадаться людям к нему недружелюбной страны. Минуя дозоры и полицейские разъезды, Ефим добрался до Актюбе и вышел к реке Урал. Высоких, холодных гор здесь не было, были низкие, покрытые ковылями холмы. Стояла жара, выжимающая последнюю влагу из травы. По степи метались пожары, оставляя чёрные плещи на многострадальной земле. Когда Гудкович решился нарушить государственную границу, случилась гроза. Ливень прибил огни на азиатской стороне, но в более плодородной России, на её берегу, пожар держался, цепко хватаясь за кустарниковые деревья, за пересохшие камыши обмелевших водоёмов, за сельскохозяйственные уголья, брошенные на произвол, и за поросли дикой конопли. Огонь притухал и вспыхивал снова, освещая золоченые купола старой церквушки, стоявшей на окраине станицы, где некогда проживали brave уральские казаки, а ныне их безлошадные отпрыски-металлурги.

Гудкович плыл под сполохами молний в Европу на маячившие кресты. Вода бурлила под ливнем, течение увлекало пловца назад под бесплодные горы Казахстана, тянуло в омуты, во рту першило от едкого дыма, но по-геройски, перекидывая через стремнину своё истощённое тело, беглец одолел стихию. Иноземное восточное рабство закончилось. Около города, рано утром, он наткнулся на бродяг. Они собирали железо на садах у погорельцев. По их наущению Ефим поднялся на шлакоотвал, где встретил Ивана Кротова и нашёл себе в бывшем советском

клубе временный угол для жизни. Нужно было остановиться, окрепнуть, скопить необходимую сумму денег на поездку в Сибирь, на квартиру к той женщине, у которой остался его паспорт и другие бумажки.

Рассказ пятый. Страх

– Километры подземных проводов... А, Фима? Это же – тонны цветного металла!

До развалин старого бетонного заводика было не близко. За бесхозную медь барыги в городе платили больше, нежели за железо. Кабель был проложен около комбината, почти у забора.

– Сотни тысяч за километр, – подытожил Иван. – Мы с тобою, Фима, как волки, работаем санитарями в вымирающей великой стране. Копаемся в старых отвалах, извлекая на свет похеренное богатство...

Кто же из наших великих паханов не пёлся о родине по-кротовски, будучи рулевым в своей машине или стоя на трибуне перед людьми, которые ниже ростом, или возвышаясь на кухне перед женою и детьми?

– Столько много? – удивился Ефим. – Это – неплохо, Иван Иванович.

– Ты меркантилен, как все евреи.

– Ковш тебе в руки! – рассердился подсобник. – Я, Иван Иванович, во время грома крещусь справа налево, а не иначе, хотя и сам когда-то не хуже пророка Ильи срывался с небес, стреляя из автомата... Как я буду глядеть в глаза своим вчерашним солдатам, которые не за деньги служили Отчизне, а как святые; и выполняли мои команды, преодолевая все страхи перед стратосферой. Оттуда каждый последующий прыжок труднее, нежели первый, и страшнее на сердце. Что они скажут обо мне? Ефим Гудкович – апостол денег? Я – советский солдат, а не наёмник буржуазии...

– Ну, ладно, ладно, Фимочка, не кипятись, это не ты, а я – поганый русский антихрист, продавший душу капитализму. Положим, что столько денег мне сразу никто не даст ни сегодня, ни завтра, ни даже послезавтра, но в течение месяца или двух, или даже трёх... ежели, скажем, порубить этот наш кабель на мелкие кусочки да развести их по разным приёмным пунктам, то в розницу можно будет взять и более. Да попробуй, дотронься до этой меди. Боюсь я, Ефим Захарович, – трусоват.

– Чего ты боишься, Иван Иванович?

– Я боюсь Гвоздя и его шакалов...

Рэкетеры поделили город на сферы влияния своих группировок по сырьевым признакам. Они держали в ежовых рукавицах всех добытчиков меди, железа, цинка, стекла и даже макулатуры. Преступные налоги у них были меньше, чем в государстве, но спрашивали – строже. За несвоевременную уплату дани барышника могли покарать по законам чёрного рынка: запугать, отнять у него квартиру, машину, гараж или поставить его на счётчик, чтобы загнать в экономическое рабство на многие годы. Даже могли убить и убивали. Сын у Кротова находился в бегах за разграбленный трансформатор. Прошлой осенью он со товарищи разорил поливочное хозяйство. Старики-огородники пошли по инстанциям. Они посетили милицию, горсовет, написали петицию в Москву депутату Государственной думы от коммунистов, чтобы тот помог в ремонте поломанной электрической машины деньгами или хотя бы своими старыми добрыми связями... События развивались успешно. Милиция вышла на Кротова-младшего намного раньше бандитов, но Кротов-старший ловко подмазал главному сыщику деньгами. Дело о трансформаторе осталось нераскрытым. Узнав про такую несправедливость, коммунист из Государственной думы рассекретил для огородников тайную информацию о субсидиях, поступающих в город от губернатора для поддержки садоводческих компаний. Два с половиной миллиона рублей пришли совсем недавно. Эту сумму хотели тайно истратить на свои приусадебные участки работники горсовета. «Разве вам плохо живётся? – орал депутат в телефонную трубку, требуя у мэра поделиться дармовыми деньгами с обворованными людьми. – Дайте им воду!». Глава муниципального образования оказался покладистым. Он

внял убедительной просьбе законного беса из Государственной думы и выделил для ремонта трансформатора сто тысяч рублей. Ещё полстолька насобирали по сусекам сами пострадавшие садоводы, и, когда, казалось бы, дело о разграблении их хозяйства заглохло к частичному удовлетворению сторон, Кротовых – и сына, и папку – взяли за кадык криминальные авторитеты, мотивируя тем, что не по праву добытая и проданная ими медь стоила намного дороже. Недавно папашка рассчитался за сына, но тот ещё скрывался от страха в деревне у бабушки и боялся вернуться в суровый город.

Пятнадцать метров медного кабеля Иван Иванович всё-таки откопал и осторожно перевёз в подземный свой гараж, как компенсацию за потерянное время. Траншею он присыпал землёй и укатал колёсами до лучших времён. Ефиму было наказано готовиться к большому рывку: «Как только, так сразу и будем – в дамках!»

Недоеденное сало ещё лежало в экскаваторе, когда убили Гвоздя. В тот самый день две большие шаланды с ломом искали просёлочные дороги в металлургию, минуя милицейские заставы, не желая приплачивать постовым за федеральную крышу. Придорожные патрули выжимали деньги за всё, вставляя палки в колёса богатым торговцам: за превышение скорости, за несоблюдение технических условий транспортировки, за отсутствие справок или накладных документов. Да мало ли за что могут оштрафовать на автотрассе? Микола Гвоздь перекупил металл за околицей без всякой бумажной волокиты и показал безопасную дорогу в город, не разоряя гостей до нитки. Вечером его расстреляли в степи из автоматического оружия неизвестные люди в масках, когда он возвращался домой после этой удачной сделки. Машину изрешетили, как дуршлаг, преследуя на протяжении двух километров. Вырученные деньги исчезли.

Весь город скорбел по убитому бизнесмену. Расфуфыренные молодчики организовали массовые поминки. Повсюду: на площадях, в переулках, на рынках стояли накрытые столы, за которыми разливали бесплатную водку для всех, уважавших при жизни Николая Гвоздева – вчерашнего карточного шулера, дважды судимого прежней подлой советской властью ни за что: за фарцовку и тунеядство; не реабилитированного доньне. Размноженные портреты покойного диссидента висели на каждой трамвайной остановке, на заводских проходных; они стояли почти на всех прилавках в пивных, в магазинах, в газетных киосках, затмевая на время эротические картинки звёзд шоу-бизнеса; светились на мониторах в учреждениях, где были компьютеры, – с траурной лентой в правом нижнем углу. Даже милиция в эти дни не трогала пьяниц, не стояла с радаром около кладбища, куда потянулся народ на автотранспорте. Время от времени включалось местное телевидение, рассказывая о достойно прожитой жизни Николая Анатольевича Гвоздева. На экранах мелькало заплаканное лицо вдовы и утиравшие его руки сотоварищей покойного по бизнесу. По меньшей мере четыре человека публично поклялись не оставить эту женщину без денег в дальнейшей жизни, чтобы она не доживала свой век в нищете на пенсию, как одуроченные страной металлурги; чтобы дети Гвоздева получили достойное образование за границей.

Убийство толковали двояко. Одни говорили о переделе собственности в городе между рэкетирами, другие о государственной операции «Вихрь-антитеррор». В народе шли буйные споры о недопустимости отстрела криминальных авторитетов. Опьяневшие люди кричали о возвращении к старым советским несправедливым порядкам, критикуя жестокую политику нового молодого президента: матерились, дрались, клялись в своей правоте собственной матерью, ударяя себя при этом в груди, и сердито грызли стаканы, из которых только что пили поминальную водку.

Городские предприниматели растерялись. Кому отныне было нести деньги, предназначенные Гвоздю за крышевание? Сектор экономики, где он верховодил, остался без контроля.

Рассказ шестой. Пролом

Используя временную смуту, возникшую после смерти Гвоздева, экскаваторщик Иван Иванович Кротов и его подсобный рабочий Ефим Гудкович вернулись к подножью отвала и вырвали кабель, лежавший в степи. Проволоку порезали на части, помяли, отвезли в гараж. Но медная лихорадка притупила чутьё опасности у Ивана. Ему бы остановиться. Да последние метры бесхозного кабеля лежали на комбинате, и думы об этом мешали спать. Бойко пульсировала кровь, терзая лицо, дрожали щёки. Иван Иванович решил докопаться до конца. В том самом месте, где богатая проводка исчезала на территории чёрной металлургии в руинах бывшего железобетонного заводика, находилось бомбоубежище. Его подземную стенку экскаваторщик пробил ковшом и попросил своего подсобника осторожно спуститься в подвальчик и прикинуть, нельзя ли извлечь остатки меди наружу. Эти случайные движения добытчиков цветного металла заметила комиссия по техническому надзору за состоянием зданий и сооружений. В её составе трудился главный инженер Владимир Анатольевич Москаленко, кандидат в депутаты Государственной думы, член Законодательного собрания области, профессор оловсякой металлургии и очень трудолюбивый руководитель. Он и его компетентное собрание по очереди глазели в теодолит на дымовую трубу сортопрокатного цеха, покрытую на всём своём протяжении снизу-вверх частыми и длинными трещинами толщиной в человеческий палец. Около оголовка под небом наблюдался сдвиг кирпичной кладки в сторону важных коммуникаций. Возможный обвал грозил надолго разрушить паро- и водопроводы, проходившие по крыше. Собрание принимало болезненное решение об остановке производства проката на две недели. Трубу необходимо было отремонтировать, опасный участок кладки разобрать и перекладь. Владимир Анатольевич устроил публичный разнос начальнику, не доложившему о ситуации на объекте в лучшее время. Тот извинялся, тараторил, что его цеху – почти полвека, что разрушение ствола дымовой трубы – это следствие ветра, когда по ту сторону глухого забора раздался удар ковша экскаватора и вздрогнула земля. Настройки у теодолита оказались сбитыми напрочь. Через минуту ржавая дверь бомбоубежища со скрипом отворилась, и перед лицом компетентной комиссии предстал хромой и небритый человек.

– А вот и разрушитель, – торжественно прошипел Москаленко.

Главный инженер ядовито поглядел на оторопевшего начальника цеха и заорал:

– А ты мне говоришь, ш-што от ветра падают трубы. Без премии будешь!

На секунду самый большой воротило в комиссии задохнулся от гнева, как от инфаркта, икнул и показал кулак:

– И твой отсталый цех, и ты у меня лично до конца квартала будете лапу соса-а-ать... а не деньги! Вот такую кузькину мать.

При этом он покачал кулаком, собранным в дулю. Чуть поостыв, отсморкавшись, откашлявшись, сквозь зубы Москаленко спросил у Гудковича, где и кем тот работает. Представитель охраны уже держал нарушителя с цепкостью бультерьера за рукава и проворно ответил вместо Ефима:

– В строительном цехе, Владимир Анатольевич. Он будет наказан.

– Понятно, – прорычал главный инженер, набирая новую порцию яда в полости рта. – А как оказался в бомбоубежище?

– Понос, – бегло ответил Гудкович и оскалился, словно клоун.

Москаленко взорвался.

– Начальники, вы мне рассказываете сказки, что ваши люди голодные, как волки. А они зажрались и обложили все подвалы сытостью. Поднатужился он, понимаете ли, ваш горе-строитель, трахнул, как из пушки, и старый бетонный бункер рассыпался по частям.

– Повидло было несвежее, – заступился за Ефима геодезист. – В нашей столовке, Владимир Анатольевич, пирожки, словно покойники – синие от старого масла! Их днями жарят в немойтой на ночь сковороде... Здесь нужен главный санитарный инспектор, а не вы.

– Ты что стоишь? – накинулся Москаленко на Гудковича. – Стенку сломал? – и, не дожидаясь, когда нарушитель что-нибудь ему ответит, распорядился: – Бери, зараза, цемент и ремонтируй.

Перед отъездом с объекта Владимир Анатольевич достойно подчеркнул, что без него на комбинате ни сделать ничего не умеют, ни организовать.

– Дайте ему в руки самую большую лопату и кирпичи. Пускай шевелится, как теледива у Березовского, а ты-ы, – он закричал на охранника, – беги и звони в ремонтно-строительный цех да выясняй, чья это была команда – ломать подвалы. Бездельники, в-вашу мать!

Гудковича повели за цементом. Но на воротах материального склада висел амбарный замок, и Ефимушка остался дожидаться кладовщицу, не будучи участником событий, развернувшихся у забора. После отъезда главного инженера вся ответственная комиссия по техническому надзору решила подробно разузнать, что же всё-таки случилось? Первыми из подвала в пробитую брешь устремились представители ведомственной охраны, за ними подался директор и последним в дыру отправился пузатый технолог. Попутно он деловито измерил рулеткой расстояние от забора до свежерытой Иваном траншеи и, задыхаясь от лишнего веса, доложил, что оно – менее метра.

– Ну и что? – удивился геодезист.

– А то, – громко ответил ему технолог, – здесь должна быть отмотка для отвода воды, а значит, эта траншея – тоже территория нашего предприятия.

Когда возводили забор, у подрядчика не было лишних денег, и он схалтурил. Про отмотку забыли. Но по чертежам её несуществующий наружный край являлся демаркационной линией между комбинатом и степью. Эти границы были нарушены добытчиками меди. Упомянув про это, технолог кипятился для оправдания значимости на службе. В отделе, где он работал, были лишние люди. Уйти на незаслуженный отдых трудяга боялся и развивал свои мысли продуктивно.

– На лицо умышленное вредительство вот этого мужчины, – мыслитель показал на Кротова пальцем. – Около вырытой им траншеи забор дал левый крен. Мы заакируем. Вы посмотрите, какое тяжёлое небо над головой...

Стояла последняя оттепель перед зимой. Охранники поглядели на тучи, на редкие солнечные лучи, сверкавшие между ними, и уличили Кротова в незаконном проведении подземных работ на территории чёрной металлургии. Милиция, подоспевшая кстати, тоже обвинила Ивана – но в краже цветного металла у страны.

– Ты же, кажется, тот самый недавний жулик, который незаконно украл мелиорацию у совхоза? – припомнил старший патрульный.

– Да, это – он, – подтвердили другие служаки. – Это его отмазал бывший градоначальник.

Дубровченко сместили на старость полгода тому назад и подарили ему бензоколонку, чтобы бывший когда-то владыкой города старикан не шастал где попало за красными флагами. Чтобы не баламутил своим вчерашним авторитетом голодную нищету и жил при настоящем капитализме: по-хозяйски, достойно, твёрдо – на широкую ногу.

Весело глядя на Кротова, менты желали реванша.

– На лицо рецидив, Иван Иванович. Это – сто пятьдесят восьмая статья, третья часть. Присвоение государственного имущества тайным путём в особо крупных размерах. Мы поймали тебя с поличным.

– Этот металл никому не нужен, – сопротивлялся Иван.

Да поди, докажи ты, что кабель – ничейный.

Сотрудники оформили протоколы изъятия меди, опросили свидетелей, отсняли на фото свежевырытую траншею и подобрали всю порубленную проволоку. Они уложили её в свои машины: что-то в багажники, что-то в салоны; следом арестовали и нагрузили медью кротовский экскаватор да поехали всей колонной в сторону милиции, весело обсуждая свою победу. Ивана оставили без техники одного с повесткой в руках, приказали ему явиться завтра для дачи показаний в отдел уголовного розыска.

Дырку в подвале заделали строители. Хрипловатый инженер – производитель работ по ремонту аварийной трубы – вернулся к своим подопечным и обнаружил их спящими в осенней листве. Рядом пропал цементно-песчаный раствор, заготовленный напрасно. Около конуры-бытовки, которую люди построили из помятых железных листов, соединив их электрической сваркой, горела буржуйка. В ней находились развешенные чистые вещи работяг. Под ними отдыхал бригадир, потерявший последнюю совесть в коллективе.

- Вы почему сидите без дела? – начал беседу прораб.
- А где кирпич, а где лебёдка? – огрызнулись строители.
- Шевелиться вам надо, а не дремать.
- Это твоя забота, чтобы мы шевелились. Организуй!

Их мелкий руководитель ткнул пальцем в сторону разрушенного бомбоубежища и приказал заделать пробитое Иваном окно.

- Это работа – срочная. После её окончания – идите к себе домой.

Окрылённые аккордом, люди перенесли к разрушенному подвалу раствор, и через полчаса стена была как новенькая. Каменщики докладывали её, переодевшись в чистые тряпки, с той Кротовой стороны – ювелирно; желая уйти на два часа раньше окончания общей смены, скрытно минуя соглядатаев у душевых. Всякое нарушение трудовой дисциплины брали на карандаш.

На Кротова эти строители не обратили внимания. Иван делился с ними горем: что его оставили пешим, что отобрали лучшее завтра: добытую им честную медь и экскаватор – оштрафовали. «Это была дискриминация человека», – печалился Кротов. Да его не слышали...

После того, когда счастливые восстановители бомбоубежища разошлись по домам, Иван Иванович остался один. Телогрейка Ефима лежала на траве. Земля в свежевырытой траншее местами парила, но холодало...

Рассказ седьмой. Семейные интересы

Кто-то из уголовного розыска позвонил на виллу убитого Гвоздева и спросил:

– Кому сегодня в городе досталась ниша по добыче цветного металла?

– Сыну покойного, – раздался ответ.

– Это, пожалуй, справедливо. А сколько дают барыги за килограмм?

По ту сторону телефонной линии замялись и спросили:

– Кто это звонит?

– Милиция...

– И много меди?

– Около тонны.

– Откуда эта медь?

– Мы изъяли её у Кротова.

– Тогда понятно.

– Он и его подсобник присвоили кабель, который, похоже, ваш.

– Но у Кротова дело на шлакоотвале. Он добывает железный лом.

– Его экскаватор арестован, набитый медью и свинцом.

– Мы разберёмся.

– Кротов сейчас ожидает друга около северной проходной. По устному договору прошлого года между вами и нами изъятый цветной металл – отныне наш.

– Это так. Вы хотите его продать?

– Конечно.

– Везите мне.

Про этот разговор доложили Гвоздеву-младшему.

– Когда окончится траур, Анатолий, то мы обязательно разберёмся со всеми этими мышами и кротами, обокравшими нас, – пообещал управляющий делами отца.

Наследнику объяснили, что нарушены семейные интересы.

Ученик одиннадцатого класса гимназии Анатолий Гвоздев считал себя самостоятельным человеком. Уже в пятнадцать лет он продвинулся на общественном поприще дальше директора школы. Толян (так звали его товарищи по учёбе) финансировал походы детей на шашлыки. В них не принимали участие взрослые педагоги. Мальчишка был сторонником демократии. На каждом уроке он важно пререкался с учителями и повсюду отстаивал право всякого школьника пить по выбору, что угодно. Около учебного заведения находились два коммерческих ларька. Один из них принадлежал директору школы, другой – Толяну. Конкуренция была достойной. Директор продавал конфеты, газировку и старые пирожки, а его ученик – сигареты, пиво и вяленую воблу. Несмотря на желание горсовета, очистить школу от этой скверны не получалось. К директору за товаром приходили первоклашки. Они пугливо сжимали в ладошках свои богатства и ревели белугой, если кто-то из повзрослевших пацанов отбирал у них денежки. Малявкам убедительно разъясняли, что выпивка в жизни у ветеранов – важнее всего на свете. Да разве они поймут, пока не созреют? Случались разборки, и горе было тому, кто жаловался взрослым на вымогателя денег. Ябед унижали всем коллективом, окуная головами в школьные унитазы. Самым справедливым судьёй в округе считался Толян. За тридцать копеек с рубля он разводил любые конфликты. «Вам же это на пользу, – мотивировал он поборы, – на шашлыки, на походы, на всякие праздники, на девчонок. А что даёт для этого директор школы и его муниципальная власть? Они у моего батяни в ногах за копеечку».

Все это знали. Однажды какой-то бедный, полудохлый папашка-неудачник, по жизни – сантехник, заметил, что вымогательство денег – это рэкет, и пообещал привести в школу милицию. Толян легко его поставил на место, встретил на улице и набил морду. Целый месяц

школа гудела, что поделом такому папашке. Толяна хвалили, а ребёнка избитого мужчины унижали публично всей толпой.

Недавно у Анатолия появился новый друган – Серёга Дрынов. Он выиграл открытый чемпионат Европы по боксу среди мальчишек. Эту поездку ему профинансировал ныне покойный Микола Гвоздев – родитель Толяна. Предыстория победы была такая. Серёга имел высокие результаты в стране, но не отобрался в Европу. Денег из государственного кармана ему не дали, но предложили поехать в Милан на средства меценатов, которых нужно было ещё найти. Куда только ни обращались за помощью Серёга и тренеры? Повелители предприятий отвечали, что в бедах на стадионах виновата жадная нынешняя власть. Стыдливо молчали муниципалы.

При жизни старший Гвоздев посещал боксёрские тренировки и подбирал молодые кадры в рэкет для сбора дани. Сергея он сделал для сына опекуном. Узнав о проблемах молодого боксёра с поездкой в Европу, Николай Анатольевич нашёл необходимые деньги. Портрет молодого чемпиона и доныне висит на Доске почёта около здания администрации города, предавшего спортсмена.

Помимо Дрына рядом с Толяном скорбели о смерти его родителя другие известности, вкусившие славы из кошелька убитого доброхота. Многие школьники не хотели платить Толяну по тридцать копеек с рубля на организацию досуга, жили и пили единолично. Константин-золотой клык пострадал, собирая дань для школы с непокорных пацанов. На этой государственной службе он потерял четыре передних зуба. Покойный Николай Анатольевич Гвоздев помог ему озолотить щербатый рот.

– Какой был замечательный твой отец, – прошепелявил Костян, глотая поминальную водку. – Я навеки ему обязан.

– В беде не брошу, – почти по-отцовски твёрдо обнадёжил Толян.

В их компании находился племянник бывшего градоначальника Алёша Дубровченко. Талантливый пятиклассник, он написал сочинение на тему: «Павлик Морозов, как символ предательства в России». В нём были озвучены нравоучительные строки: «Мало кто хочет видеть в себе Иуду Искариота – уж лучше признать наличие в своём „я“ природы Каина. Так ли это? Неужто вы никогда не предавали себя или ближнего?»

Это сочинение удостоилось премии, как лучший памфлет, придуманный школьником на заданную тему. Писаку хотели перенаправить в большую литературу – да не случилось. Других божественных сочинений мальчишка не написал. В приходе у Гвоздевых его прозвали Павлик Морозов. Алёшка служил на побегушках у взрослых пацанов: «Павлуша, подай; Павлуша, сходи; принеси; Павлуша, исчезни». Точно так же обращался с его родными ныне покойный Микола Гвоздь.

Две девицы сидели на поминках, как вороны, чёрные с головы до пят, пряча свои цветущие лица под траурными косынками. Старшая тридцатилетняя нянька Гвоздева-младшего, Светлана Фельдман, была полноватая блондинистая особа. Она готовила Анатолия к поступлению в Гарвардский университет, в котором когда-то учились шесть президентов Соединённых Штатов Америки – страны, чья политика в отношении мира повсеместно внедрялась в умы россиян как образцовая и прогрессивная.

Светлана Фельдман была адвокатом в четвёртом поколении. Покойный Микола Гвоздь платил ей большие деньги, и сынок его ни на минуту не сомневался в том, что за год с небольшим он в совершенстве овладеет английским языком или хотя бы частью его, позволяющей без запинок читать и понимать юридические документы, различать в них нюансы, недоступные людям, просто работающим в нотариальной конторе.

Вторая девица тоже была белесой, однако стройнее первой и моложе её на десять лет. Она подарила Толяну любовь в минуты скорби. Сегодня утром Гвоздь стал мужчиной и увидел мир недетскими глазами. Он почувствовал ношу, которая досталась ему после отца. На плечи свалилась ответственность за продолжение важного дела – за бизнес: опасный, местами лживый, и

понял Толян, что кроме него некому удержать шаткое благополучие семейства. У матушки на руках ревела сестрёнка, понуро сидели рядом друзья, прощаясь с великим прошлым. Никто не помчался учить собаку Кротова за подлость. Душу сверлило сомнение в дальнейшей успешной жизни. Но Толян решительно прогнал эти шаткие мысли мужественным ходом.

– К чёрту Гарвард, когда в России пересыхают источники денег. В машину... Все! И ты, Светлана.

Детство окончилось. Розовые мечты ребёнка развеялись в пух и прах. Его элиту ждала работа.

Рассказ восьмой. Вшивая рота

Однажды Серёга Дрынов посетовал Толян на отсутствие навыков в настоящем бою. Ему хотелось на деле проверить своё боевое искусство и заработать на этом деньги. «Я дам тебе такую возможность», – пообещал ему Анатолий, и время пришло. Он и его приспешники нашли Ивана Кротова по наводке от людей, арестовавших экскаватор. С ближайших вышек охранники комбината видели подъехавшую компанию парней и дальнейшее избиеение ими грузного человека, но шума не подняли: «Так, – мол, – и надо. Он – барыга».

– Ты – трезвый? – сердито спросил Толян у Кротова. – Почему?

– Я не пью, – ответил Иван, предчувствуя расправу.

– Весь город скорбит по моему отцу, а ты не пьёшь.

Гвоздев ударил Кротова по щеке. Лицо у жертвы покачнулось, но растерянная улыбка на нём осталась, словно ничего не произошло. Толян был нетренированным для драки с настоящим мужчиной. Гвоздев косо поглядел на Сергея и приказал:

– Врежь ему как следует, Дрына, чтобы не лыбился. В полный контакт.

Всякое нападение в городе совершалось жестоко. Боевые подростки выбивали долги, получая после этого долю денег за драку и уважение криминального мира. Ивану нужно было спастись, но позади находилась стена, заделанная строителями, а впереди желтела стылая степь. На ней маячил далёкий город, словно не застиранное пятно на чистой одежде. Теснило в груди, была одышка, дрожали коленки. Из-под шапочки на лицо Ивана сочился холодный пот. Он испугался мальчишек.

Услышав наказ Гвоздя, Серёга встрепенулся:

– Ты чего смеёшься, зараза?

С этими словами Дрынов подошёл к Ивану, подзадоривая себя к разбою.

– Сегодня надо напиться и плакать!

Перед ним стоял тяжёлый седой человек, враг наследника, причинивший ущерб его благополучию в минуты траура. Взрослые снисходительно относились к победе Сергея на чемпионате Европы и не узнавали его в лицо, а он был амбициозен. Дрынов врезал молниеносно в левую бровь. Кожа лопнула, и горячая кровь покатилась по лицу у Ивана ручейками. Растекаясь по щеке, она парила в холодную мглу уходящего дня. После второго удара в голову жертву отбросило на забор. Из бездны полетели навстречу огненные шары. Кротов схватился за виски, застонал. Но когда его ударили ногою в грудину, стоны застряли в горле. После четвёртого удара клацнули зубы, во рту стало солоно и горько.

– Крепкая, гадина, – отметил Сергей, группируясь для новой атаки.

– Хватит, – остановил его Анатолий. – Надо поговорить.

Он взял рукою нижнюю челюсть избитого человека так, как это делают врачи «скорой помощи», собираясь запрокинуть полумёртвую голову назад для искусственного дыхания.

– Ты слышишь, Кротов? В мире – финансовый кризис, а ты меня грабишь? Где металл?

Иван молчал, сжимая разбитые губы. Его душа улетела в морозное прошлое, в те времена, когда он крутил баранку по таёжным дорогам Алтая. До увольнения с действительной воинской службы в запас ему оставалась одна весна. Кротов мог подойти к любому из салаг и спросить у него: «Сколько дней до приказа?» Поиздеваться над этим человеком, помучить его так, как это делали многие, чтобы показать свою властность: ударить духа в лицо, опрокинуть ему под ноги ведро с грязной водой или надеть на голову мокрую половую тряпку. Но Ванька был снисходительным человеком – добрым. Он этого не делал. «Чистые погоны – чистая совесть», – гордился Кротов и заступался за слабых. Однажды к нему подошёл солдатик, имя которого Иван уже позабыл: то ли Петруха, то ли Андрюха, то ли Сашура, и фамилия у этого человека была настолько русская, что стирается в памяти: не Гуревич, не Гудкович,

не Абрамович, не Шпак, не Поросняник, – прошло немало лет. В то далёкое время этот некто отирался около стройки, куда неоднократно Кротов привозил бетон на самосвале.

– Ты из Новотроицка?

– Я, – ответил Иван.

– Будь другом, Кротов. Я тоже оттуда.

Навязчивый паренёк носил не по размеру широкий бушлат в заплатках, на котором светились чёрные дыры. От них тянуло горелой ватой. Поодаль стояли и грелись у костра такие же страшные солдаты вшивой роты. «Прокажённые» – так называли их офицеры из соседних подразделений. Военные строители были брошены на произвол судьбы: без денежного довольствия, без сменного белья. При переезде на новое место службы их вещевые вагоны исчезли с концами. Люди чесались, болячки язвили до костей. Обувка давно раскисла, просила каши. Из-под грязных портянок выглядывали жёлтые ногти, поражённые заразой грибка. Общаться с изгоями было запрещено под страхом педикулёза. Почти полгода оборванные люди проживали в палатках, топили буржуйки. Днями они выполняли тяжёлые работы на стройках – грызли ломом мёрзлую землю, мотали колючку, скрывая военные секреты от лишних глаз. Стояли морозы. Изгой хотели есть. Их мучила жажда. Вши не щадят голодного человека. Пытаясь восполнить выпитую из тела кровь, по очереди, больные солдаты глотали из ведра холодную воду, добытую в полынье, и ожидали развода на работу. Сугробы, километры, костры – и не было теплушек, и не было своей техники. От проволочных колючек одежда изорвалась. Когда какой-нибудь высоко стрельнувший в небо уголёк незаметно опускался на ткани бушлатов, он прожигал их, добираясь до ваты. Лататься не успевали. В полдень и ночью вшивые люди возвращались в палаточный лагерь, чтобы доесть остатки того, что оставалось после кормёжки других подразделений: более чистых, живущих в казармах среди отопительных труб. Напрямую к палаткам было четыре километра. Два раза в день проклятые солдаты тащили с собою на плечах тяжёлые брёвна для растопки буржоек, пилили их до полуночи и не высыпались, раздирая до крови зудящее тело – гоняли вшей. Но не каждое дерево подлежало валке в засекреченном пространстве, лишь те из них, на которых стояла метка службы заказчика. Шла сдача в эксплуатацию очередной пусковой площадки третьей ракетной армии. С целью маскировки дремучий лес около неё берегли, и заготовщики дров уходили всё дальше и дальше от своих палаток. Чтобы выиграть несколько лишних часов для сна, нужна была машина, способная привезти много дров. Измождённый доходяга-строитель искал такую возможность, не имея ни власти, ни денег, взывая к землячеству Ивана. Тот ещё не утратил в то время советского благородства. Как в детстве, он верил людям.

В лагерь, где выживали голодные воины, вело две дороги. Одна из них петляла низами около реки и патрулировалась комендатурой. На берегу была пекарня. Особо голодные солдаты отлучались в неё за хлебом и выпрашивали подачки. Их ловили для наполнения гауптвахты рабочей силой. Вторая дорога была пустынна и малоинтересна. Она вела в гору. Зимой пешему человеку, глотая ветер, трудно было по ней идти. Развилка, ведущая к палаткам товарища, находилась за перевалами. Кротов не вёл, а «тащил» грузовик по обледеневшей дороге. Его машину потянуло на встречную полосу. Колея на ней была устойчивой, но когда до вершины осталось немного, из-за гребня появилась большая колонна техники, слепившая фарами...

Рассказ девятый. Потехи час

Иван Иванович вернулся в реальность.

– Где металл, я спрашиваю, Крот?

– Ты же знаешь, Толян, его забрали менты...

Константин-золотые зубы поднял тяжёлый камень. Чтобы не оплошать перед друзьями, он размахнулся и ударил им Кротова между глаз. Так не единожды он бил непокорных ему мальчишек в школе и знал, что после удачного попадания в переносицу любой человек на время слепнет, его лицо синееет и отекает. Хрустнула кость.

– Он для тебя не Толян, а Анатолий Николаевич. Ты слышал это, Крот? Как звать Толяна? Повтори, – процедил он через коронки.

– Анатолий Николаевич, – глотая кровь, ответил Кротов.

– Так и обращайся к Толяну. Ты дружишь с ментами, Крот?

– Я ненавижу ментов.

– А кто тебе помогал в добыче меди?

Иван Иванович промолчал.

Беспощадная техника снова покатила навстречу из прошлого, тираня память. Везли баллистическую ракету. Головная машина пошла на таран и отодвинула мелкий кротовский самосвал на обочину, другой тяжёлый «Урал» опрокинул его в кювет. Ванька и напарник едва успели целыми вылететь из кабины. Они побежали к лесу, утопая в сугробах, но их настигли вооружённые люди и положили лицом в снег. В округе гудело, пульсировало, сверкало. Земля дрожала от колёс многочисленной силы, идущей по дороге. С высокого кедра на голую шею Кротову упала охапка снега. Иван хотел отбросить его рукой, да тяжёлый сапог чужого злого солдата отпихнул эту руку вбок и придавил каблуком. Оружейный приклад опустился между лопаток. Ивану было приказано лежать, не поднимая глаз. Десять минут спустя, когда колонна исчезла из виду, Ваньку и его никудышного друга поставили на ноги и избили. Это была значимая веха в истории страны. Третья ракетная армия встала на боевое дежурство...

Утром земляки-товарищи расстались. Кротова арестовали. Его разбитую машину спасли. За нею приехал трактор и выдернул на дорогу. Работники государственной безопасности истязали Ивана. Били его в одну и ту же точку, поочерёдно, словно заколачивали в стену гвоздь, в то место, где медная пуговица касалась низа грудины ушком. Под нею болело долго, дышать было трудно. Потом лупцевали по лицу за упрямство, вытягивая командами «смирно» за то, что оказался в неполюженном месте в неполюженный час. Пытали: «Куда ты поехал на ночь глядя, где напарник?»

– Кто он? Откуда? Отпустим...

Иван отвечал, что напарника не было в помине, что в машине он находился один, что дрова перевозил в деревеньку для обмена на водку. И хотя в той стороне, куда он тащился на машине, не было никакой деревеньки, ему как будто поверили и оставили в покое, когда пошла из носа кровь. Через месяц Кротова отправили в дисциплинарный батальон за самовольное изменение маршрута и угробленную в дороге машину, но более за то, что он не раскололся на допросах, не предал слабого друга.

– Ты помнишь, я тебе обещал, что отпущу на свободу, если ты назовёшь его имя? – спросил дознаватель. – Теперь кусай свои губы...

Уже потом, через год после этой злополучной аварии, кто-то рассказал Кротову, что его приятель – туберкулёзник. Того комиссовали из-за болезни.

Светлана Фельдман сидела в машине, как на иголках, глядя через тонированное стекло салона расправу подопечного ей мальчишки над пожилым человеком. Большого криминала в разбое молодых людей она не наблюдала. Новые методы работы в юриспруденции позво-

ляют сегодня любое уголовное деяние классифицировать как ответ на провокацию со стороны потерпевшего, и пропорционально сумме денег, вложенной нарушителем в делопроизводство, можно добиться оправдательного вердикта. «Как выжить юристу в условиях рынка?» Эта научная работа Светланы имела успех в аспирантуре. В ней она предположила некий математический подход, регулирующий стоимость околосоудебных затрат от общего положения дел в экономике региона, где совершаются убийства или разбои. Особо тяжкие преступления против человеческой личности стали распространёнными в обществе начиная с расстрела Белого дома. Они находились под микроскопом у всех социологов, изучавших феномен Каина в российской политике. Несмотря на все последующие метаморфозы жизни: на отсутствие денег в Сберегательном банке, на гиперинфляцию – такса на услуги Фемиды была разумной. Умышленное убийство каралось лишением свободы на срок от шести и более лет в зависимости от умело составленных материалов защиты и обвинения. Делиться добытыми в жизни деньгами нарушителю надо было по-братски со всеми участниками процесса. В ходе аналитических бесед с популярными адвокатами Светлана Фельдман установила, что полный набор смягчающих обстоятельств в денежном эквиваленте равен средней стоимости пятидесяти квадратных метров жилья в районе, где находится суд. Практическое значение её работы было настолько великим, что повсеместно в милицейские базы данных включили людей, не нуждавшихся в жилье и способных рассчитаться после продажи квартиры за правосудие, чтобы наказание вышло минимальным. У Гвоздева были такие деньги. Наставница знала, что ей не составит никакого труда убедить судебную власть в невинности питомца, если покалеченный Кротов обратится за помощью государства.

Кололо другое. На сегодня её работа закончилась, а она ещё сидела в хозяйской машине, стоявшей около промышленной зоны. Вечерами Светлана посещала бассейны и фитнес-клубы, где боролась с избыточным весом при помощи аэробики. Про похудание написаны правдоподобные книги: медицинские, спортивные, даже священные. Системы постов убеждали полных людей отказаться от жирного мяса. В течение трёх последних суток женщину душила изжога от поминальных закусок. Пельмени стояли в горле, и тело дамы, склонное к полноте, росло, как на дрожжах. Гламурная одежда у Светланы подозрительно потрескивала при посадке в автомобиль и при вылазке из него. Присесть на корточки было страшно, полнота её тела светилась наружу окороками голого мяса из распахнутых мест. Женщина осторожно напонила о себе.

– Анатолий Николаевич, у нас сегодня вечером тренировка на стадионе. Сергею Андреевичу надо набирать спортивную форму к чемпионату мира по боксу, а не возиться в грязи со старым оборванцем...

– Рабочий день до пяти, Толян, – поддержала её другая подружка. – Врежь ему, мой любимый, в последний раз, чтобы он упал и подох в траншее, которую вырыл для себя, да поехали вместе с нами купаться в бассейн.

– Про водку не забывайте, – подсказала Светлана Фельдман. – Налейте ему в рот немного водки.

– Водки не жалко. А зачем? – удивился Толян.

– Для смягчающих обстоятельств. Будто Кротов был пьян.

– Нашим тёлкам необходимо на фитнес, – добавил Костя. – Ты, Толян, устроил им слишком сытую жизнь.

Он выбросил камень, покрытый кровью.

– Ты же не коммуняка, Толян, чтобы строить в стране порядок на милицейской основе. Делу время – потехе час, – вставил Серёга Дрынов.

Гвоздь прекратил расправу.

– Ты, Кротов, отныне мой должник. Сроку тебе – неделя.

Во время этих разборок сочинитель памфлета «Павлик Морозов, как символ предательства в России» стоял безучастно рядом с товарищами, не зная, что ему предпринять. В жизни

он никого кроме тараканов не убивал и вырос паинькой, получая пятёрки в школе. Но ему хотелось казаться таким же сильным, как Серёга или Костян, разукрасившие лицо взрослого человека. Однако брезгливость помешала Алёше поднять липкий от крови камень, выброшенный Костей. Уходить просто так, не по-русски, не стукнув Кротова в лицо, не плюнув в его глаза, не поругавшись матерно, было неприлично среди приятелей, взявших его на эту «стрелку», как равного среди равных.

– Крот, ты козёл, – объявил Алёша. Малыш приподнялся на цыпочки и ударил Ивана в ухо костяшками пальцев. – Ты падла, Крот! Ты – крыса помоечная!

Вдобавок Алёша пнул его ногой и, удовлетворённый причастием к всеобщему делу, бросился к товарищам по разбою.

– Толя-ан, – орал он на всю округу, – ты видел, как я ему в ухо двинул!

После отъезда налётчиков Иван Иванович упал. Рядом находилась телогрейка Ефима. На ней покоился газетный свёрток, в котором лежали сало и хлеб. Во время ареста экскаватора обёрточную бумагу надорвали сотрудники из милиции, словно и там они искали скрап. Кротов очистил пищу от грязи, собрал бутерброды, но кушать не смог. Лицо у него отекло, губы отяжелели, во рту было солоно, больно. Его передние зубы шатались, готовые оторваться от дёсен и остаться в твёрдости сала навсегда. Кротов завернул надкушенный бутерброд обратно в газету.

– Иван Иванович, – услышал он.

Гудкович выглядывал в монтажную проушину заборной плиты.

– Ты как, Иван Иванович?

– Да ничего я, Фима, живой.

Его напарник видел расправу издалека.

– Я не успел к вам на помощь, Иван Иванович. Я бы вмешался.

– Ты правильно сделал. Я же тебя не виню, что ты опоздал. Это были подростки. Они жестоки.

– Где экскаватор, Иван Иванович?

– Его забрали менты.

– Они его отдадут?

– Куда они денутся, Ефим, не в первый раз.

– Если не трудно, Иван Иванович, ты брось мою телогрейку.

– Я не доброшу.

Избитый Кротов поднялся. Взял в руки телогрейку Ефима.

– Лови!.. И сало тоже... Ефим, ты слышишь? В кармане – сало. Ты кушай сало, не брезгуй! Я его от души, послушайся брата...

Кротов сплюнул загустевшую кровь.

– Пойду. Отдохну я, Ефим Захарович... К полуночи доберусь в свою квартиру, а завтра – в милицию на разборки. Дам взятку, они вернут! Это – мой экскаватор. А ты, Ефим, пока отдыхай.

Во время перелёта через забор телогрейка зацепилась за колючую проволоку и повисла карманами вниз. Бутерброды упали на землю. Гудкович подпрыгнул, рванул телогрейку за рукава. Ткань на подкладке лопнула, вата из трещины полезла наружу. Бродяга подоткнул её обратно, оделся и поднял упавшее сало.

– Спасибо, Иван Иванович!

Рассказ десятый. Бессмертный анекдот

В свете рыночных инноваций честность тоже имела спрос. Неподкупные вахтёры шерстили на проходных. Бывало, что упёртые металлурги брыкались при опоздании на работу. За это их оформляли для наказаний и лупцевали, раскрепощаясь, от чистого сердца. Но едва продвижение через вертушки затихало, стражники травили байки, почерпнутые в газетах. Насущные вопросы политики тиранили умы охраны чаще, нежели иных мыслителей комбината, тоже не производивших металла и ленивых не в меру, но имевших от его продаж намного более денег, нежели, скажем, люди «чёрного куста», не мыслящие глобально – жертвы окалины и серы.

«Что делать?» – трещали умы охраны.

Это – извечная причина мигрени у русской интеллигенции. Поиски ответа начинались издалека. Какие кадровые ротации в Кремле? Сколько стоит российская нефть на лондонской бирже? Почём сегодня в продаже доллары или евро? Неприлично было не дать ответов на эти вопросы. Чтобы не отставать от прогресса, у каждой вертушки стояло радио, настроенное на коммерческую волну. Впрочем, и развлекательные программы имели место. Они ведь тоже ежечасно крутили рекламу того или иного пункта по обмену валюты. «С вами Русское радио!» или какой-нибудь «Серебряный дождь».

«Куда мы катимся?» – лениво судачили аналитики проходных и находили консенсус: «Мы катимся по наклонной».

Далее шли анекдоты про евреев.

«Абрам, а Абрам?».

«Чего тебе надобно, Иосиф?».

«А почему в русских сказках Иван – всегда дурак?».

«А в наших разве иначе?»

Было смешно. Безделье торжествовало.

– Собрался одинокий еврей в Европу. Свои сбережения он принес на сохранение Абраму. «Ты помнишь меня, Абрам?» – «Да-а, Иосиф! Я тебя помню. Ты же мой лучший друг!» – «Беда, Абрам... Я уезжаю в Европу, чтобы работать».

– Ну, вы даёте! – веселились русские люди. – Еврей поехал в Европу, чтобы работать! А почему не в Иран?

– Да вы послушайте, что было дальше. Это – мудрый анекдот. «Вот здесь я, Абрам, собрал на старость тысячу долларов. Ты их возьми и сохрани. А то вернусь я обратно разутый или больной». – «К чему такие горькие мысли? Возьму, конечно, оставь, Иосиф. Тебе расписку?» – «Я верю тебе, Абрам. Не надо расписки. Ты же никого и никогда не обманешь». – «Люди! – заголосил Абрам. – О, великие русские люди!» – Их окружили свидетели. – «Мой лучший товарищ Иосиф уезжает на заработки в Европу! Вы видите эти деньги? Это – тысяча долларов. Всё, что он накопил в своей жизни, будучи честным человеком! Он принес их на сохранение ко мне, считая меня более честным. Я беру его деньги в руки и кладу их в этот несгораемый шкаф. Поезжай, Иосиф, в свою Европу и трудись, пока здоров! У меня твои денежки будут целее, нежели в Пенсионном фонде России». Когда прошло два долгих года, удручённый Иосиф вернулся к себе на хату. «Здравствуй, Абрам! Это я – Иосиф». – «Здравствуй, Иосиф! Я вижу, что это – ты». – «Я приехал, чтобы без дела помереть в любимой стране». – «Не надо, Иосиф!» – «Ты помнишь, Абрам, я оставлял тебе тысячу долларов? Верни мне, пожалуйста». – «Какие тысяча долларов? Я ничего про это не знаю. Когда это было?» – «Два года тому назад, Абрам, и люди видели это». – «О, великие русские люди! Мой друг Иосиф вернулся из коварной Европы и утверждает, что оставлял какие-то деньги. Это – правда?» Люди пожалы плечами и ответили, что не видели денег. «Я тебе не должник», – развёл руками Абрам. Покидая контору, Иосиф

плакал. «Постой, – окликнул его товарищ. – Вот твои деньги! Это – тысяча долларов и проценты с них на чёрные дни». – «Абрам, – рассердился Иосиф, просыхая от слёз. К чему эта комедия?» – «Чтобы ты понял, какие великие люди тебя окружают!»

Такие люди сидели повсеместно в конторах, на проходных, в структурах государственной власти – в Кремле.

Около северных транспортных ворот возвышалась караульная теплушка. Из неё виднелись далёкие шлакоотвалы, большая дорога в город и длинный злополучный забор, возле которого недавно вырвали наружу кабель Иван и Ефим. С утра полусонные вахтёры безучастно глазели на добытчиков меди. Им было неинтересно, что происходит в степи. Но находившийся в свите главного инженера Москаленко, их воевода Фома Сараев приказал уточнить табельный номер человека по фамилии Гудкович. Сонное царство проснулось. Начальник теплушки Вадим Капуста тут же связался с ремонтно-строительным производством. Ему ответили, что Гудковича в штатах нет.

– Капуста, что-то случилось? – удивились ремонтники.

– Не ваше дело, – огрызнулся Вадим.

Удручённый, он обратился в другую инстанцию.

На центральном компьютере, стоявшем в отделе кадров, хранилась подробная информация обо всех когда-либо принятых и уволенных людях. Услышав о Гудковиче, женщина-оператор ответила, что рабочих с такими фамилиями не бывает.

– Как не бывает? – взорвался Капуста. – Я буду жаловаться на вас генеральному директору комбината.

Рядом с Капустой сидел Кузьма Сорокин. Недавно, будучи инвалидом, он устроился в охрану на полный рабочий день и сделал в жизни ошибку. Кузьма когда-то излишне отморозился на воинской службе. Но недавно, изучая бумаги больных, успешно работающих в охране, глава медико-социальной экспертизы Цецилия Смык решила, что патология у Сорокина напрасная среди значительных убожеств его сограждан, не имеющих порою ни силы, ни возможностей, ни иной деловитости, чтобы зарабатывать деньги по-настоящему – честно. Она была – еврейка и жила послушно, соблюдая все законы Государственной думы. Кузьму лишили пенсионной поддержки, как симулянта. Ни суды, ни иные инстанции не вернули Сорокину его былые страдания и, обозлившись на белый свет, он возненавидел еврейство и нашёл немало сторонников в среде охраны.

– Ты, Вадим Петрович, успокойся и не стучи напрасно в директорат, – подсказал Сорокин. – Накажут только нас.

– Кого ты учишь, Кузьма? Смени подгузник.

Около месяца в сторожке болтался цветной агитационный плакат, на котором свирепый мясник держал в руке отрубленную русую голову мальчишки, принесённого в жертву иудаизму. «Русский русскому помоги, иначе ты будешь следующим», – кричало плакатное искусство. На животе у жестокого иудея лежала отточенная, как бритва, израильская звезда, с которой стекала кровь.

– Ты когда-нибудь еврея-разнорабочего видел? – рассердился Кузьма.

– А что? – удивился Капуста.

– Не бывает таких рабочих... Тебе же правильно говорят.

Начальник сторожки поостыл и призадумался: «А с чем не шутит бес?» – и повторно обратился к оператору отдела кадров, чтобы выяснить, а нет ли кого из Гудковичей на руководящем посту. Ему ответили не скоро. Целая династия Гудковичей работала в отделе материально-технического снабжения: отец, два сына, племянник. Другие Гудковичи обосновались по соседству с этим отделом – во внешней кооперации, ещё один Гудкович был заведующий трестом столовых на комбинате. И только самый bestолковый, бездарный из этой династии трудился при этом тресте товароведом. Но Ефима Захарьевича не было и в помине!..

– Зато, пишете, есть Будкович Ефим Антонович – зубопротезный врач из второго механического цеха, – поведала женщина, изучавшая списки интеллигенции. – Ага-га-га! Нашла, наконец-то. Ефим Захарович Гудкевич... Это тот, кто вам нужен. Он – производитель электромонтажных работ в управлении главного энергетика.

– Да-а, – заорал Капуста. – Это он оборвал в подвале все последние провода.

Вадим Петрович стремительным росчерком записал на клочке бумаги табельный номер и цех невинного человека и подытожил: – Заточковал!

Бумага порвалась, не выдержав напора его карандаша.

– Ишь ты, какой коварный еврей оказался... А говорил, что Гудкович!

– Уволим, как только будет приказ по комбинату.

Рассказ одиннадцатый. Русский русскому помощи

- Фома Антонович, как быть? – спросил Капуста при дозвоне у Сараева.
Ему не терпелось доложить начальнику охраны о том, что творилось за воротами транспортной проходной.
- Что случилось?
- Бешеный день, Фома Антонович. Сначала было приехал Москаленко и напруг всю нашу теплушку, а сейчас какие-то акселераты под окнами отмудохали того машиниста, из-за которого весь сыр и бор.
- Кротова что ли?
- Кротова.
- Разве он ещё там?
- Избитый.
- Это дети Гвоздя отводят души во время поминок.
- С ними развесёлые девки и, похоже, боксёр.
- Он – чемпион Европы.
- Это – тот самый мальчишка, о котором писала пресса?
- Сидите на месте, Вадим, и не мешайтесь. Это – не наше дело.
- Может быть, нужно опять вызвать милицию?
- Так сильно бьют?
- Как своего ишака.
- Не нужно.
- Было бы сказано, Фома Антонович, да только жалко мне этого машиниста – убьют ведь.
- Ты его знаешь?
- Не знаю, но он – человек.
- Это – жулик. Кротов сегодня вырыл кабель, принадлежавший Гвоздю. Мы всё уже узнали.
- Тогда понятно. Он тоже работник нашего комбината?
- Кротов?
- Да, Кротов.
- По нашим анкетам это – не работник. Когда мы проливали в Афгане кровь за нашу правду, он угробил машину, меняя на водку ворованные дрова. Кротов – бывший дисбатовец и мерзавец. Менты его ловят уже четыре года да не впрок. Он – богатый и скользкий, словно карась в рукомойнике, повсюду у гада денежные подвязки. Этот самый Кротов был на короткой ноге с Дубровченко.
- У старого коммунаки, у Дубровченко, он ходил в авторитете?
- Они отмывали на пару деньги из областного бюджета, выделяемые пенсионерам для садоводства. Проводили как будто трубопровод, а на деле – навеки разорили последнюю мелиорацию совхоза.
- А его напарник Гудкевич – тоже вор?
- Гудкович? Он тоже – вор! А что – евреи не воры? Ещё какие! И розенберги, и березовские, и гусинские, и вся их Государственная дума. Эти жулики дадут любому Дубровченке фору один к десяти – страну украли. Только вы зря искали Гудковича в отделе кадров.
- Я думал, что он корпоративный работник.
- Гудкович – нарушитель пропускного режима. Что ещё за окошком?
- Пацаны уезжают.
- А Кротов ещё живой?

– Он вытирает разбитую морду... Шеф, а шеф! Вы ещё на линии? Появился Гудкевич. Он идёт со стороны прокатного цеха.

– Гудкович, – поправил его начальник. – Пятнадцать процентов премии за его поимку.

На этом Фома Антонович закончил беседу с Вадимом и бросил телефонную трубку на аппарат. Его ожидала нелёгкая планёрка в директорате, на которую опаздывать было страшно.

Слушая этот сторонний разговор, Кузьма Сорокин вспомнил Ивана Кротова и ту далёкую ночь, когда они на пару везли дрова по горной дороге для отопления палаток, в которых зимовали военные строители его «сорокинской» вшивой роты. Кротовский грузовик скользил и временами скатывался на встречную колею, его мотор перегревался, машину тянуло вниз, и приходилось брать разгон не единожды, чтобы преодолевать перевалы. На одном затяжном подъёме навстречу им появилась колонна тяжёлых машин, сопровождавших на боевое дежурство ракету стратегического назначения. Опрокинутый её авангардом кротовский грузовик оказался в кювете. Иван и Кузьма попались в лапы конвою. Избитые прикладами приятели пешими возвращались по домам и кашляли, надрываясь до хрипоты, отхаркивая свежую кровь из лёгких. О дальнейшей судьбе Ивана Кротова Сорокин прочитал из армейской газеты, лёжа в военном госпитале с больными лёгкими, и чувство стыдливой благодарности другу мучило его много лет. По рассказам, доходившим оттуда, из-за решёток, Сорока узнал, что Иван устоял на всех допросах и взял вину на себя, не упомянув имени товарища, сидевшего с ним в кабине, не потянул его за собою в дисциплинарный батальон, про службу в котором ходили страшные слухи. Но эта язва памяти зарубцевалась в душе у Кузьмы, как и все остальные болячки. Только кольнуло под дых, когда он сегодня увидел, как схватился за голову седой человек, выбираясь на коленях из траншеи, вырытой в поиске меди, как он согнулся пополам в мучительном кашле – точно так же, как и много лет назад, когда сапог конвоира попал ему в отросток грудины. Но эта минутная слабость у Кузьмы прошла, когда раздался приказ Вадима:

– Мы видим нарушителя корпоративной дисциплины! Начальник теплушки показал на Гудковича, надевающего телогрейку, переброшенную Иваном через забор. – Эта наша зарплата! – и караул послушно покинул сторожку.

Возникший при этом сквозняк оторвал от стены идейный агитационный плакат с изображением кровожадного еврея и выбросил эту бумагу далеко за двери вслед за охраной, озадаченной поимкой врага. Сорокин захотел ухватить плакат на лету и вернуть его в сторожку, да ветер оказался проворнее вчерашнего симулянта, и мелованная бумага, развернувшись, словно воздушный змей, понеслась в сторону города – догонять избитого человека. По дороге она упала в лужу. Жестокий рисунок раскис и растворился вместе с криком о помощи: «Русский русскому помоги, иначе ты будешь следующим». Иван Иванович Кротов окунулся в ночную тьму...

Рассказ двенадцатый. Горячий плац

Душа барахталась в сетке человеческих нервов. Гудела, как музыкальный инструмент, расстроенный непрошеными гостями. Клубилась около липкого тела облаком, желая освободиться от плоти и умчаться в такие выси, где нет артистов, рвущих до боли. Иван Иванович Кротов умирал. Фальшивые аккорды мешали ему грезить, разбивая гармонию созерцания вечности, вызванную действием анестезирующих препаратов. Оживающая на время плоть стонала о продолжительности страданий, а запутавшаяся в ней душа упрекала её в живучести. Две половины одного существа бранились между собою, обвиняя друг друга в немилосердии. Но всё же ветреный холод подкрался к постели больного к умиротворению сторон.

Природа сыграла на руку смерти. Был пасмурный день. Мгла висела над миром. Из-под палки, не одеялом, а простынёй покрывая остывшую землю (так укрывают в морге покойника, кое-как, ненадёжно), падал нечистый снег. Казалось, что он несётся не с неба, а с ближних крыш – колючий, мелкий, словно абразив из пескоструйного аппарата, обдирая пожухшие краски вчерашней осени – последние, цепкие листочки карагачей. Иссохшие как в гербарии, они оторвались и понеслись по асфальтированному покрытию городских тротуаров, подметая до чёрного блеска остекленевшие лужи... Ударил морозец. Домашнее тепло потянулось в приоткрытые форточки помещений. Душа у Ивана отклеилась от липкого тела и, подхваченная потоком, стала свободной. Ей оставалось витать над землёю три дня, если покойного не похоронят оперативно.

Любовь это – богатство, не подверженное дефолту. Расчётливый в подлом рыночном времени добытчик и скряга Кротов ни разу в жизни не изменил супруге, даже не думал об этом. Он был любим и любил её одну. Уже по самый гроб жизни Иван Иванович остался нежным мужем своей Алёны в благодарность за красоту, нерастраченную напрасно в юности на других.

Когда его провожали на воинскую службу, цвели деревья. Был месяц май. Команда, в которой числился Кротов, ждала покупателя много дней. Съели всё, что взято в дорогу. Двое товарищей под честное слово отпросились у дежурного офицера в город за газировкой и не вернулись. В оправдание дезертирства их родные растрезвонили по району, что на областной пересылке вышла задержка с отправлением новобранцев к месту прохождения службы – не кормят. Мамашки, услышав об этом, собрали баулы с едой и поспешили к военкомату. Строгий отец никогда не баловал Ивана жалостью. Он не помчался на свидание с сыном, даже денег ему не передал – была такая возможность. Завтрашний день зависел от урожая.

– Земля-кормилица иссохла от голода более, чем сын.

Батька знал, что Ваньке под силу выдержать испытание воинской службой.

– Отныне он мне защитник, а не я ему нянька! – сердито сказал старик.

Никто уже, казалось, не вспомнит про молодого Ивана.

Ни кустика, ни газончика не жалось ни к одному из строений, расположенных на территории областного военкомата. Сюда приезжали за будущими солдатами их покупатели со всей страны: пушкари, моряки, связисты, мотопехота, автобат. Свежее асфальтированное покрытие площади размякло от солнца. Торги проходили, несмотря на выходные. Словно животные в стаде, горе-призывники кучковались на главном плацу в оцеплении курсантов зенитного училища. Физически более крепкие зенитчики время от времени отодвигали полудохлую массу новобранцев то в одно, то в другое место на площади. Опустевший за ними асфальт поливали холодной водой из пожарной машины, разгоняя на время зной. Из громкоговорителя выкрикивали название или номер той или иной призывной команды, приглашая её людей для прохождения медицинского осмотра. Ближе к обеду радисты включили музыку. Играли марши далёких лет.

По ту сторону периметра военной управы возвышались душистые тополя. Их нижние ветки протянулись на запретную территорию, цепляясь за колючее ограждение забора. Деревья были в соку. Дрожали листочки. Набухшие серёжки раскрывались и отдавали ветру ватные семена. Пух носился над плацом, щекотал...

– Ты погляди на забор, – захихикали в округе.

На деревьях сидели девицы, которым отказали в свидании. У кого-то из них не было с собою паспортов, другие не успели заматереть, чтобы считаться родными, – не поменяли фамилии. Были и такие, которые познали близость с мужчинами в объёме, что иной женщине и в зрелом возрасте не приснится. Одни сидели на толстых ветках, болтая тонкими ногами, другие стояли на них, обнявши стволы, и выкрикивали в поиске знакомых парней их имена. Но поди увидь в большой толпе любимые лица. Поди различи их на деревьях в богатой зелени, глядя в сторону солнца. Услышишь ли ты, напрягаясь, под бравурные марши, о чём пекутся любимые люди? От места, где находились оцеплённые парни, и до забора было не близко.

Музыка перестала играть. Из громкоговорителя послышался зычный голос дежурного по части.

– Эй-й, за забором, кошёлки, а ну-ка быстро попрыгали наземь!

На мгновение стихло и вдруг:

– Козёл, – понеслось в ответ с деревьев чириканье девчонок.

Плац расхохотался.

– Ты погляди на концерт, – толкнул Ивана сосед.

Две обезбашенные подружки, стоя на ветках, задрали платья и повернулись задом к радиорубке.

Дежуривший по части вояка поспешил к забору, чтобы вразумить бесстыдниц, но в ответ полетели камни. Возвращаясь, он потирал ушибленные места, ругался. Перед открытой дверью командного пункта радиорубки вояка долго жестикулировал, показывая рукою в сторону пожарки.

– Марш славянки, – сказали из рубки.

Грянула музыка. К забору подъехала красная машина. Нарядчики раскатали рукава, включили насосы, пробуя на асфальте напористость струи, вылетающей из сопла. Когда давление воды поднялось, дежурный отобрал у солдата ствол и направил его на деревья. Первая, самая ближняя к нему, девчонка упала сразу, ломая ветки. Другие держались стойко, глотая воду. Офицер переводил свою пушку то на одно, то на другое, то на третье дерево, злорадно ругая людскую похоть во всех её проявлениях. Мать божья стала блудницей, зачатые – порочным, оргазм – ненасытным. После второго куплета марша жертвы расстрела не выдержали напора холодной воды и покинули деревья. Но самые отчаянные ещё держались. Вода потрепала их летние платья, местами порвала их. Офицеру хотелось отомстить за брошенные в него камни особо, со вкусом, раздев последних упрямец водою догола.

– Так им и надо! – кричали отовсюду его солдаты.

Плац улюлюкал. Дежурный повёл огонь по последнему оплоту сопротивления. Три беспокорные, самые стойкие девицы ещё находились наверху. Отрезая им пути к отступлению, лейтенант распластал поток, как стену: обрывались свежие листья, ломались ветки, леденило живое тело. Одна девица, обессилев, упала, вторая бросилась вниз сама. Третья стояла твёрдо, хватаясь за тополь, словно за брата. Среди листвы и шабаша она не выделялась, как прежние, не обзывала военных козлами, но, когда осталась одна на оборванном дереве, все взгляды с плаца сфокусировались на ней. Кротов её узнал – его Алёна. Она приехала к нему на свидание вместо родителей. Ни жена, ни сестра – без документов. Не пропустили.

Дежурный как будто угомонился. Он убрал водяную завесу, разрешая девчонке уйти, и водитель пожарной машины тоже махнул рукою: «Спускайся, – мол, – больше тебя не тронем». Алёна потянулась за авоськой, висевшей рядом на ветке. Из неё торчали наружу бутылки с

водою и какая-то пища. Но кто-то крикнул: «Это – водка и закусон». Офицер поднял свою пушку. Авоська упала. Следом по мокрому тополю сползла Алёна, оставляя на свежих сломанных сучьях обрывки летнего платья. Исподлобья, стыдливо, Иван провожал свою подружку глазами, прислушиваясь к усмешкам окружающих людей.

И если в поход страна позовет
За край наш родной
Мы все пойдем в священный бой.

На этой высокой ноте порядок восстановился, радио смолкло. Пожарные возвратились на плац и приступили к работе. Оцепление вздрогнуло. Ведомые им, салаги покатились на новое место. Парило лето.

– Как он ловко их раздел, – зубоскалили толкачи.

– Концерт. Это был настоящий концерт.

– Разве это концерт?

Видавшие более курсанты делились нажитым опытом. Иван услышал, как один командир отделения будущих зенитчиков, то ли сержант, то ли ефрейтор, рассказывал своим подчинённым салажатам о том, как зимой одну из таких шлюх приморозили к дереву.

– Наши пожарные вынимали её из шубы прямо с веток, стоя на длинной лестнице машины. Скурвилась, стерва...

Он итожил громко, со знанием дела. Кротову стало обидно за бессилие чем-то ответить на это оскорбление женщин. Кинуться на сержанта он не мог и, скрывая клокотание в горле, глотал обиду. Прошло немало лет, прежде чем Алёна рассказала ему о разбитых бутылках, о том, как упала на их осколки: в разорванном платье, мокрая, в слезах, в крови. Как дожидалась ночи, спрятавшись в кустах, облизывая раненые руки. Как добиралась почти раздетая на окраину города к тётушке. И боялась огласки...

– Я видел тебя на дереве, – признался Иван Иванович. – Обрывки твоей одежды висели, как осенние листья...

– Я ожидала тебя четыре года. И дождалась.

Протокольное было время, как, впрочем, и ныне. Когда он уволился в запас и вернулся домой, его сволочили по всей округе на все лады. Какая-то сварливая сотрудница из городского военкомата, прочитавшая его служебное дело, писала на предприятия письма, где просила учесть при приёме на работу его армейское прошлое. Так, должно быть, предписывали инструкции тех советских лет. Она гремела правдой, докладывая повсюду, что Кротов – алкоголик, угробивший машину. Ему зачитали одно из писем в автотранспортном предприятии, куда он было ткнулся после дисбата, и дали от ворот поворот. Иван затаил обиду на государство. Он стал шабашником и построил жизнь на левых доходах, где преуспел. Даже в самые трудные годы Кротов был при деньгах, а не на митингах. Там околачивались слюнтяи-бюджетники – те из них, чья подпись на бумаге не стоила ломаного гроша.

Рассказ тринадцатый. Хлебозавод

Алёна работала в пекарне технологом. Когда хлебозавод оказался на грани искусственного банкротства, два его цеха остановились. Персонал отправили в отпуска без содержания на службе и однажды известили, что собственники решили закрыть непродуктивное производство и уволить лишние рты. У Алёны случился сердечный приступ. Кротов отвёз её в приёмный покой городской больницы, где женщина отлежала месяц.

– Сократят, – вздыхала она на каждом свидании с мужем. – На что я буду жить?

– Разве я не добытчик? – успокаивал Иван. – Ты только посмотри на другую челядь: ни у кого ни копейки в карманах нет, а я при деньгах, при хороших заказах, имею спрос.

– Ненадёжная эта работа: ни стажа у тебя, ни льгот, и налоги не платишь – уличат, отберут экскаватор.

– Прорвёмся, мать, где наша не пропадала, – так он шутил, но было всё же тревожно. – Наша пропадала везде.

По выздоровлении Алёну вызвали в дирекцию и поинтересовались, как она себя чувствует.

– Нам не нужны больные люди, – строго напомнил начальник отдела кадров.

– Я буду работать, – ответила женщина.

Вскоре завод перекупили. Новые акционеры оказались бессердечнее прежних. Их управляющий напечатал бумагу о сокращении штатов. В этот чёрный список попала Алёна. Второй сердечный приступ оказался сильнее, чем первый.

– Лежи-ка, мать, пока в больничке и поправляйся, не думай о будущем – это моя забота тебя кормить, – утешил Кротов. – Больничный лист тебе всё равно оплатят, а там и бог повернётся к нам лицом. Ешь апельсины – и тебе, и твоим соседям в палате хватит.

Бледная, она плакала, таяла жизнь.

Но не бог повернулся лицом, а дьявол. Пришла весна, и вода поглотила почти весь город. Природа митинговала пуще всех оппозиций.

Канализационные люки оказались забиты грязью, затянуты тиной. Коммунальщики не справлялись с работой, не хватало техники, рук и денег. Нечистые воды окружили склады, где хранились продукты хлебозавода: мука, орехи, изюм, шоколадки. Мыши покинули подвалы.

– И тут появился я, – рассказывал Кротов.

Улыбались даже самые безнадежные сердечники, удивляясь метаморфозам, бывающим в жизни.

В то аварийное утро Иван проезжал мимо хлебозавода на экскаваторе.

– Твой новый начальник ни бе ни ме ни кукареку, выскочил на дорогу в болотных сапогах, руками машет, а рожа – бледная, щёки его трясутся. Без мата двух слов связать не умеет. Смекаю, – молит о помощи, нырять за мешками некому. Нанял он было бичей для этого дела, а те напильники по предоплате и, как в Турции, – едва не утонули в экскрементах, которыми наводнила весна... А тебя, Алёна, я поздравляю с повышением по службе, ты отныне в отделе кадров – инспектор по персоналу. Беса, что кровь твою пил, уволили у меня на глазах. Вырыл я, значит, траншею, отвёл все воды в овраг, покраснел твой начальник, очухался, стал благо-разумным, вещает членораздельно, словно серый волк из доброй сказки: «Я, Иван-царевич, по самый гроб тебе обязан. Ты меня спас», – и тянет деньги. «Положи-ка ты мне в ковшик мешок немочёного чернослива и грецких орехов, да из тех закромов, где мыши не бегали». – «Я тебе из личного склада – самых отборных». – «И ещё... Жену мою знаешь, а-а?.. Алёну Сергеевну Кротову». – «Хорошая женщина». – «Она в больнице, – вот так и так – объясняю вкрадчиво, – в гематоген свернули женщине кровь». Он снова в крики: «Не может этого быть!..

Этот мерзавец у меня больше не работает... Ко мне его, на ковёр!» Облаял его подлюгу со всех сторон и уволил...

– А ты поверил? Они же вместе водку пьют.

– Не выполнит своё обещание – утоплю. Отрою такую земную артерию – стены рухнут, такой туалет ему на заводе устрою, зацокают языками от зависти даже герои локальных войн и конфликтов, отягощённые орденами за службу Отечеству и правде. Правительство объявит президенту импичмент: «Не в том сортире, не тех ты мочишь».

– А город без хлебушка. Повсюду распутица. Раньше бывало сухо. У нашей проходной росли тюльпаны. Мне было пять лет, когда я впервые ушла из дома, чтобы их нарвать. Мамка меня нашла и наказала, а я ревела и боялась хворостины, которой она меня гнала обратно домой, словно тёлку. Сегодня повсюду бурьян, на асфальте липкая грязь, газоны запущены и страшны.

– К твоему выходу на работу мы их облагородим. Цветы не обещаю, но трава поднимется, как в детстве...

Вычистил, выскреб забытый всеми асфальт. Те же бичи, что тонули в подвалах хлебозавода во время паводка, проживающие здесь же – в гаражах у оврага, куда ушла вода, за ту же самую водку взрыхлили все газоны от автобусной остановки до проходной – без малого двести метров. Когда Алена Сергеевна приехала на работу после болезни, из ожившей земли торчали острые зелёные стебельки сочной травы и среди них, увы, не тюльпаны, но одуванчики тянулись навстречу солнцу.

Рассказ четырнадцатый. Штурм великого эксперта

Через год супруга сказала о пенсии. Сердце стучало неровно, и, хотя тяжёлые дни остались в прошлом, страхи не проходили.

– Мне нужна инвалидность, – сообщила она Ивану. – Я тоже хочу получать бесплатные лекарства.

– Я тебе любые достану, – ответил муж.

– Любые лекарства не помогают, они поддельны...

Аптеки полны фальшивыми препаратами, ожидающими инспекций. Реклама лжёт, выдавая за панацею их глазурированный мел. Кротов и сам не единожды принимал такие дорогие таблетки, но прока с них не почувствовал ни на йоту. Как-то один гипертоник помог настоящими лекарствами, приходившими в аптеки не из баулов жлобовитых барыг, а централизованно – по заявкам лечебных учреждений. Разница между одними и теми же таблетками была налицо. Попробовав настоящее лекарство, больному на время казалось, что чья-то совесть ещё на месте, только нужно дожить до получения группы инвалидности, чтобы обрести надежду на справедливость.

– Я же для этого платила налоги, страховалась, – волновалась Алёна. – Мне не откажут в медикаментах.

Как в детстве, она надеялась на государство, на его патронат. Но страна холила чиновников да экспертов, а не больных, желающих иждивения и заботы.

– Хоть что-то сейчас, – молила Алёна. – Пока живая...

Новая медицина потеснила старую, добрую. Врачи стояли на рубеже у государственности, подозревая у каждого пациента аггравацию болячек. Уже не клятва Гиппократова, а присяга на верность руке, распределяющей деньги, руководила ими при выборе решений. Такая рука не могла поддержать всех, наплодившихся за долгое время социализма, ставших сегодня обузой для рыночной экономики – потребителями её благ, не производящими товаров ни на копейку. И хотя приличия в отношении уцелевших пенсионеров были соблюдены, и достойная старость пестрела в государственных документах – нация вымирала. Холодная расчётливость овладела умами специалистов, руководящих страной. Гуманитарные науки очерствели, остыли. Экономические выкладки душили сильнее газовых камер, добрые постулаты не гармонировали с убийственной математикой. «В случае сохранения современного уровня заболеваемости и инвалидности среди мужского населения России ожидаемая продолжительность их здоровой жизни сократится до пятидесяти трёх лет», – писали в журналах. И довольные этим государственные мужи смекали, что многолетние отчисления усопших граждан только на пользу номенклатуре. Однако женщины всё ещё доживали до пенсии и с ними нужно было делиться.

– А вдруг ты умрёшь? – спросила Алёна у Кротова. – И я останусь одна?

Иван Иванович задумался. Здоровья в нём было избыток, доходы его росли, но с чем не шутит чёрт. Ярый противник государственности, получавший не медали, а синяки, он осознавал, что у Алёны не будет помощи ниоткуда, если с ним случится беда. Кроме мизера по инвалидности, который предстояло отвоевать осадой или штурмом.

Глава клинико-экспертной комиссии Кацман Михаил Моисеевич был стариковат, но выглядел молодецки. Казалось, что время остановилось у порога его врачебного кабинета, как и тысячи больных в ожидании очереди на получение набора государственных льгот. Михаил Моисеевич впился в рабочее место, словно клещ в подмышечную область, ввинтился в кресло, как фарфоровый зуб, неистираемый пищей: ни расшатать, ни пододвинуть. Его друзья-генералы давно сыграли в ящик, защищая Отчизну, а Кацман, пожалуй, самый древний эскулап поликлиники, продолжал продуктивно трудиться на зависть подрастающим коллегам. Он

нажимал на авторучку с такою силой, что в пальцах появлялся синдром длительного сдавливания.

– В такую-то годину вы встали на путь симуляции, – орал Михаил Моисеевич на чахлах шахтёров и металлургов, робко открывающих двери.

Не одно поколение горожан искало у Кацмана дорогу на инвалидность. Ежедневно у его кабинета давились люди, судорожно сжимая ворохи пожелтевших, помятых справок, читая которые глава экспертной комиссии разбирался, кто действительно болен, а кто ещё нет, подклеивал все эти бумажки в больничные карточки или выкидывал их в мусорный ящик, чтобы стоявшее перед ним убожество сызнова прошло переосвидетельствование у врачей.

Сплоховавшего коллегу-медика, подписавшего уничтоженный документ, тем временем ставили на место и при повторном обращении за помощью: хирург ли он, терапевт ли, невропатолог – тот уже не находил у кацмановского изгнанника симптомы, необходимые для льгот. Всё чаще люди умирали в коридорах поликлиник, так и не дождавшись желаемых пенсий и бесплатных лекарств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.